

Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических исследований

Signum

Москва
2013

ББК
63.3(3)

С 32

Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 7. М.: ИВИ РАН, 2013. 296 с.

ISBN 978-5-94067-387-3
ISSN 2306-4404

Объем 18,5 п. л.
Тираж 150 экз.
Бумага офсетная.
Формат 60 x 84/16.
Гарнитура Times New
Roman
Сдано в печать 22.05.2013

Полиграфия:
Дробаха И.В.

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей
истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Электронная почта:
signumivi@inbox.ru

М.А. Бойцов

Вексиллологические традиции средневековой Европы*

Ещё сравнительно недавно вексиллология как специальная дисциплина, занимающаяся изучением знамён и иных сходных с ними по функциям предметов, интересовала преимущественно музейных работников, поскольку её задачу видели прежде всего в том, чтобы давать грамотные описания определённому виду экспонатов. При всей важности выявления и описания этих объектов, круг интересов исторической вексиллологии сегодня существенно шире.

Вексиллологам чем дальше, тем больше приходится работать не столько с сохранившимися знамёнами, сколько со словесными описаниями или же изображениями знамён, давно уже в реальности не существующих, а значит, применять, как и «обычным» историкам, все необходимые методы источниковедения и исторической критики. Составление точного описания того или иного знамени рассматривается сейчас не столько как самоцель, сколько как необходимая предпосылка для последующего исследования идей и представлений, в этом знамени отразившихся. А поскольку знамёна относились и относятся по большей части к числу инсигний – знаков власти, – то работа современных вексиллологов оказывается в конечном счёте посвящена прояснению

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

тех или иных сторон властных отношений в обществах прошлого.

Описания эмблем, которые с большей или меньшей степенью условности могут быть названы знамёнами, можно найти уже у древних авторов. Из глубокого прошлого дошли и изображения некоторых таких эмблем. Разрозненные сведения о знамёнах время от времени фиксировались античными и средневековыми писателями и художниками. Однако первые известные нам попытки предложить систематические описания европейских знамён относятся только к «геральдической» эпохе, начавшейся в Западной Европе в XII–XIII вв. Так, в середине XIV в. неизвестный францисканец в своей «Книге всех королевств и земель»¹ описывает свои странствия, приводя изображения гербов и знамён стран и городов, которые ему довелось посетить. Много рисунков знамён можно видеть в уникальном «Каталонском Атласе» (или «Атласе Карла V») 1375 г.² Ещё в XI–XIII вв. изображения знамён стали появляться на морских картах, но особенно много их на портоланах XIII–XVI вв. С конца XVI – начала XVII вв. стали выходить специальные пособия для мореплавателей с таблицами флагов. Многочисленные изображения флагов, штандартов и вымпелов приводятся в голландских изданиях Пьера и Давида Мортье или, например, в некогда очень популярном в Европе труде «Новое голландское судостроение» голландского картографа и гравёра Карла Аларда (1648–1709), в котором был большой раздел о корабельных флагах³. Все эти работы составлялись не

¹ *Lacarra M.J., Lacarra Ducau M. del C. y Montaner A. Libro del conocimiento de todos los reynos et tierras et señoríos que son por el mundo, et de las señales el armas que han.* Edición facsimilar. Zaragoza, 1999. Оригинал находится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене; известны также три копии, хранящиеся в Мадриде и в Саламанке.

² *Der katalanische Weltatlas vom Jahre 1375, mit einer Einführung und Übersetzung von Hans-Christian Freiesleben, Faksimile nach dem in der Bibliothèque nationale, Paris, verwahrten Original.* Stuttgart 1977. Оригинал находится в Национальной библиотеке Франции.

³ *Allard C. Nieuwe Hollandse Scheeps-Bouw, vertoonende een volmaakt schip, Met alle des zelfs uiterlyke deelen, met nommers verklaard ... voorts allerhande Scheeps Vlaggen Met haare Wapenen, Coleuren en Oorsprong...* D. 1–2. Amsterdam, 1705. См. также перевод, выполнен-

столько с историко-исследовательскими, сколько с прагматическими целями – для нужд купцов, моряков, дипломатов.

Начало исторических изысканий в области вексиллологии можно вести от трудов эрудитов XVI–XVII вв. Среди реалий прошлого, которые потребовали тогда классификации и изучения, оказались и знамёна. Специальное исследование известного каждому медиевисту историка и языковеда Шарля Дю Канжа (1610–1688), посвящённое орифламме⁴, во многом не утратило научного значения до сего дня. Знаменитый немецкий философ Г.В. Лейбниц (1646–1716) в ходе своих исторических штудий написал работу «Различие между имперским штандартом и вюртембергским боевым знаменем»⁵.

Традиции, заложенные эрудитами XVI–XVII вв., были продолжены историками XVIII–XIX вв. Правда, их вкус, отмеченный интересом к «героическому», да ещё усиленный романтизмом, привел, в частности, к тому, что описывались и исследовались прежде всего боевые знамёна, но почти полностью оказались обойдены вниманием иные, не менее важные, вексиллологические объекты, такие как церковные хоругви, знамёна гильдий, ремесленных цехов, университетов и иных корпораций. Разумеется, в XIX в., когда национальной государственности придавалось исключительное значение, не могли не подвергаться особо тщательному рассмотрению «национальные» символы, в частности и исторические знамёна страны или правящей династии. В сочинениях некоторых авторов той поры верноподданнический или же патриотический настрой иногда выражался с такой силой, что сформулированными там выводами теперь приходится пользоваться с большой осторожностью.

ный по указанию Петра I: *Алярд К.* Новое галанское карабельное строение: глашающее совершенно чинение карабля со всеми его внешними частми, числами объявлено ... тут же всякие карабельные флаги, со своими гербами, цветами и с началами... М., 1709.

⁴ *Du Fresne Du Cange Ch.* Dissertation XVIII. De la bannière de S. Denis ou de l'Oriflamme // Jean de Joinville. Histoire de S. Lovys IX. dv nom roy de France. Paris, 1668. P. 244–253.

⁵ *Leibniz G.W.* Wechsel-Schriften Vom ReichsBannier: In sich haltend einen Beweisß Vom Unterscheid zwischen demselben und der Württembergischen Sturm-Fahne... [Hannover]: Förster, 1695.

Разумеется, и в XX в. политические или идеологические мотивы не могли полностью исчезнуть из вексиллологических штудий, а тем более из популярной литературы о знамёнах и флагах. Но определяющим в изучении исторических знамён чем дальше тем больше становится широкий подход культурологического плана, отрицающий ограниченность тех или иных идеологических схем. С другой стороны, нарастает объем конкретных знаний, собираемых вексиллогией, явно усиливается её «знаточеский» характер. Так, много внимания уделяется, например, технологиям изготовления знамён в прошлом, использовавшимся при этом материалам и краскам, приёмам художников, организации и оплате их труда, требованиям и возможностям заказчиков и так далее.

Вексиллология обладает собственной терминологией, хотя ещё недостаточно разработанной, не вполне устоявшейся и серьёзно различающейся в разных национальных и языковых традициях. Два ключевых понятия вексиллогии – это, конечно, «знамя» и «флаг». В современном русском языке «знаменем» допустимо называть практически любой объект, интересующий вексиллога. В других языках ситуация не столь простая. Так, в немецком языке есть слово, сходное с русским «знаменем» – *die Fahne* (от корня, обозначающего «ткань»), Однако специалист-вексиллог из Германии скорее всего предпочтет сказать, что предмет интересов его дисциплины – *das Flaggenwesen* (можно перевести приблизительно как «сущность флагов»). Замена «знамени» на «флаг» не случайна – она хорошо показывает, что в немецком и особенно английском языках слово «флаг» может употребляться шире, чем в русском и успешнее претендовать на роль наиболее общего «вексиллологического» понятия⁶.

⁶ Слово «флаг» (*flag*) появляется прежде всего в английском языке и при посредничестве нидерландского (*vlag*) распространяется с XVII в. в немецком (*Flagge*) и других языках. Этимологически «флаг» восходит, вероятно, к древнесеверному глаголу со значением «развеваться». От сходного по значению глагола образовался, по всей видимости, и чешский аналог слова флаг – *vlajka*. Современный смысл русского слова «знамя» намного уже исходного. В древнерусском языке «знамя» означало любой знак собственности (тамга, тав-

Если немецкое *Fahne* и английское *flag* указывают лишь на физические свойства обозначаемого ими предмета (он сделан из ткани, он может развеваться на ветру), то французское *enseigne* и производное от него английское *ensign* направляют наше внимание глубже – не на внешние, а на сущностные стороны рассматриваемого объекта. Этимологически *enseigne* восходит к латинскому *signum* (знак, символ), а поэтому по исходному смыслу оно не так уж далеко от русского «знамени». Однако ещё важнее, что более близкой основой *enseigne* является латинское *insigne* (мн. ч. *insignia*), то есть инсигния – знак власти.

Самое существенное в знамёнах и флагах состоит, действительно, не в том, что они делаются из ткани и могут развеваться на ветру, а в том, что они призваны обозначать определённые властные отношения. Характер власти, символизируемой тем или иным знаменем (в самом широком понимании слова) имеет всякий раз свои конкретно-исторические особенности – это может быть власть божества, царя или императора, феодального сеньора, корпорации, общины, национального государства и так далее. Именно отсюда и вытекает то, что основная задача вексиллологии состоит не в формальном описании и классификации исторических знамён, а в изучении исторических особенностей «обозначаемых» знамёнами культурных отношений (разумеется, на правильной основе формальных описаний и классификаций).

Возвращаясь к словам «знамя» и «флаг» в русском языке, необходимо отметить, что историки, не гнушаясь в принципе употреблением каждого из них в самом широком смысле, придают им в специальной вексиллологической литературе и конкретные, более узкие значения. При этом термины «знамя» и «флаг» оказываются довольно чётко разведены по смыслу. Знамя, существующее в единственном экземпляре, является постоянной принадлежностью определенного индивида, будь то лицо или организация (например, воинская часть) и, как правило, всюду сопровождает своего обладателя,

ро, клеймо и другие), особое отличие, индивидуальное (родимое пятно) или групповое, сословное (золотая цепь на шее), всякий символ (изображение на монете, нотный знак, иероглиф).

часто даже как бы воплощает его в себе. Падение в бою королевского знамени может восприниматься сражающимися как гибель короля, а утрата знамени воинской частью автоматически влечет за собой её расформирование. И напротив, спасение знамени, например полка, практически уничтоженного в бою, равносильно сохранению этого полка – он может быть набран и сформирован заново «вокруг» уцелевшего знамени. Флаг, который в отличие от знамени, воплощает принадлежность к какому-либо широкому сообществу (например, нации, государству) допустимо тиражировать в любом количестве. Из фундаментального различия между знаменем и флагом как двух средств выражения разного характера отношений между индивидом (в частности, корпоративным) и сообществом вытекают и все остальные характерные особенности знамени и флага.

Такие различия, как и вообще правила вексиллологии, были сформулированы сравнительно недавно – переносить их на времена, предшествующие XVIII–XIX вв., можно лишь с крайней осторожностью (а порой этого вообще следует избегать). Однако стоит, действительно, иметь в виду, что историк, особенно историк-медиевист, имеет дело по большей части не с флагами, а со знамёнами. Средневековая эмблематика вообще ориентировалась на «знаковое обслуживание» преимущественно индивидов (государя, рыцаря и так далее) или сравнительно небольших сообществ и корпораций (монашеского братства, коммун, цеха, рыцарского союза, судебной курии, церковного капитула и тому подобного). Естественно, что при этом среди средневековых «знамён» в широком смысле слова должны были абсолютно преобладать именно «знамёна» в специальном значении. Но встречающееся порой утверждение, будто флаги являются изобретением лишь Нового времени – ошибочно. Когда крепостная стена украшалась полотнищами, воспроизводящими знамя хозяина города (примеры известны уже со времени Первого Крестового похода), а позже – знамя городской общины, когда подданные встречали императора, размахивая маленькими «имперскими знамёнами», когда простые рыцари надевали на концы своих пик «цвета» не собственного рода,

а дома своего господина, – во всех этих случаях «тиражированная» эмблема призвана была подчеркнуть факт принадлежности, а не индивидуальной особенности, а потому она намного ближе к флагу, чем к знамени. Немаловажная роль в становлении современного типа флага принадлежала средневековым корабельным флагам, о чём речь ниже.

Наряду с противопоставлением «знамя – флаг» в литературе можно порой встретить сформулированное или же только подразумеваемое противопоставление «знамя – вексиллоид». В этом случае под «знаменем» подразумевается любой вексиллологический объект привычной для современного европейца формы в виде прямоугольного полотнища ткани прикрепленного боковой стороной к вертикальному древку. Вексиллоидами же, как видно уже из самого названия, называют «подобия знамён», то есть вексиллологические объекты любых иных форм, но выполняющие те же функции, что и знамёна привычного нам вида. Как правило, это всевозможные высокие жезлы, украшенные символическими изображениями и предметами. Специальным образом оформленные полотнища могут в вексиллоидах отсутствовать совсем, а могут играть лишь второстепенную роль. Вексиллоидами являлись практически все известные «знамёна» древних ближневосточных и американских цивилизаций. «Знамёна» римской армии также представляли собой вексиллоиды. Многие кочевые племена, время от времени добравшиеся до Европы (авары, болгары, монголы) пользовались, по всей видимости, вексиллоидами в виде конских или бычьих хвостов, прикреплённых к вертикальному шесту (либо поперечной перекладине на нём). «Знамя» великого хана монголов состояло из девяти ячьих хвостов. Хорошо известны турецкие вексиллоиды подобного типа (тут, кутас), получившие в польском и русском языках название бунчуков. По количеству «хвостов» легко можно было установить место того или иного паши в османской иерархии. Перед султаном несли семихвостый бунчук. Под турецким влиянием бунчуки распространились у украинских казаков, а от них были позже восприняты казаками дон-

скими, пользовавшимися бунчуками как знаками власти вплоть до XX в.

Но, как и знамёна «современного» облика, древние вексиллоиды являлись прежде всего символами власти. Они указывали на присутствие определённого лица, этой властью обладающей, хотя, строго говоря, в древности в качестве такого существа подразумевалось нередко божество или его земное воплощение.

Сегодняшняя знамённая культура возникла не на пустом месте. Напротив, она продолжает давние европейские традиции. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить, как эти традиции формировались – в поздней Античности и в Средние века.

Обычай сопровождать вексиллоидом государя является у египтян ещё до первых династий. На знаменитой стеле фараона Нармера, объединившего Верхний Египет и Нижний, хорошо видно, как четыре «знаменосца» несут в процессии перед фараоном характерные вексиллоиды. Перед фараоном Рамзесом III (ок. 1185–1153 до н. э.) везли (вероятно, в особой повозке) штандарт с головой барана – атрибутом бога Амона-Ра – украшенный сверху солнечным диском – символом высшего божества, сопровождающего своего сына – фараона. Особый знак было принято носить и перед каждым «подразделением» египетского войска (состоявшим из воинов определённого округа). Во времена царицы Хатшепсут (1504–1482 или 1490/1489/1479–1468/1458 до н. э.) на длинных металлических штангах поднимались изображения коней, кораблей, дерущихся львов. Известно, что египетские вексиллоиды могли нести не только какие-то изображения, но и имена царя или бога. Египтяне знали и подобия вымпелов – длинные куски ткани, прикреплённые к древку. Но применялись они, вероятно, лишь с декоративными целями для украшения храмов.

Вексиллоиды использовались, разумеется, не в одном лишь Египте, но по всему Ближнему Востоку. На вавилонской стеле Ур-Наму (2100 г. до н. э.) видны вексиллоиды с изображениями полумесяца и окружённой лучами звезды. Ассирийцы украшали свои штандарты рисунками быка или крылатого диска – символа бога

Ассура. Подобная же эмблема использовалась и персами. Кстати, именно персы, похоже, первыми на Ближнем Востоке стали применять знамёна из ткани с нанесённым на неё изображением (например, петуха). От XII в. до н. э. известно первое «знамя» армейского отряда. В Кносском дворце обнаружены вексиллоиды в форме двойных топориков. Нам известно о финикийцах как первых, кто стал устанавливать на крепостях и кормах кораблей «флаги» – шесты с полумесяцем и диском лунной богини Астарты. У каждого колена Израилева был свой особый знак⁷, во время военного похода он обозначал место сбора или направление движения войска. Однако и отдельные военные отряды у древних евреев имели свои «знамёна». Создатели кумранских рукописей, описывая фантастическое воинство «сынов света», исходят из того, что отряды численностью в 10, 50, 100 и 1000 человек должны иметь свои специальные знаки. Чем многочисленнее отряд, тем большим по размерам следовало быть и знаку. Над всеми прочими должны были возвышаться «знамёна» четырёх «начальников лагерей», а над ними, в свою очередь, – знамя командующего. Каждое из знамён украшалось надписью, призванной, очевидно, укреплять боевой дух воинов.

О греческих вексиллоидах мало что известно. Сохранились свидетельства об особом красном хитоне φοινίκεος, поднимавшемся у эллинов перед боем как знамя на корабле флотоводца. Не обнаружено сведений об использовании воинских значков в армиях Александра Македонского и его преемников – возможно, из-за особенностей фаланги как сомкнутого боевого построения. Однако вполне допустимо предположить, что, по крайней мере у полководцев эллинистической поры должны были иметься какие-то персональные штандарты.

На варварских окраинах ойкумены у самых различных народов и на протяжении многих столетий (вплоть до кануна Средневековья) постоянно встречается один и тот же тип вексиллоида, отражающий тотемические представления его обладателей. Он изображал животное или птицу – «племенного проводника». Это был либо священный родоначальник племени, либо же

⁷ Числа 2: 2–34.

«спаситель», некогда в трудной ситуации указавший дорогу «своему» народу, либо же и то и другое одновременно. Например, у пикетинцев в описании Страбона таким существом был чёрный дятел⁸, а у гуннов, судя по рассказу Иордана, – олень⁹.

Вексиллоиды в виде тотемов на длинных шестах различимы на одной серебряной пластинке из Скандинавии, относящейся к железному веку. Тотемы типа животных-поводырей украшали вексиллоиды италиков и кельтов. Так, на римских «знамёнах» ранней поры изображались волк, конь, кабан, орёл и даже Минотавр. Что касается кельтов, то на римской триумфальной арке в Оранже можно видеть тотемические «значки» побеждённых галлов, у которых весьма популярным было изображение кабана. У сарматов встречались вексиллоиды с орлом, у гуннов – с оленем. Именно тотемы должны были, вероятно, украшать и большинство тех *effigies et signa* (изображений и значков), что, по свидетельству римских авторов, несли с собой в бой и германские племена. Так, сохранились отрывочные известия о быке на «знамёнах» кимвров, змее – у лангобардов и вандалов, вороне у некоего неназванного германского племени, драконе или змее – у англов и франков¹⁰.

Весьма вероятно, что тотемные корни есть и у самого известного вексиллоида древности – орла римских легионов. Как известно, архаические тотемы имели свойство со временем превращаться в атрибуты новых – теперь уже антропоморфных – божеств. У римлян орёл стал атрибутом верховного бога Юпитера, а изображение орла с давних времён представляло собой главное в римской армии воинское знамя. Следы «тотемного происхождения» этого знамени можно усмотреть в особом поклонении, которым его окружали римские солдаты. Орлов украшали венками, умащали благовониями, к ним обращались с мольбами. Вообще боевые «знаки» римлян классической поры известны историкам сравни-

⁸ *Страбон*. География. 5, 4, 2 (М., 1994. С. 224).

⁹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. 123–125 (М., 1997. С. 85).

¹⁰ В последнем случае, впрочем, могло иметь место и заимствование германцами римского «дракона».

тельно неплохо, хотя ряд существенных деталей «знамённого дела» в Древнем Риме остается неизвестным или спорным.

На исходе республики и в первые два века империи в римском войске использовалось три основных вида «знамён».

Во-первых, «орёл» (*aquila*) на древке, который был со времён Мария (107–86 до н. э.) знаменем легиона. При республике орлов изготавливали из серебра, в эпоху империи – чаще из бронзы, порой покрывая позолотой. Естественно, что в каждом легионе был только один орёл, считавшийся не только самым ценным «знаменем», но и святыней, воодушевляющей воинов на подвиги и приносящей победу.

Во-вторых, «знак» или «значок» (*signum*) – принадлежность сначала манипулы, а потом когорты, который представлял собой длинный жезл, завершавшийся наверху первоначально изображением раскрытой ладони из дерева или бронзы¹¹, позже простым наконечником. Несколько ниже навершия на короткой поперечной штанге помещались две подвески, а во времена империи небольшое квадратное полотнище с именем императора, написанным золотыми буквами, или же медальонами с изображениями императора, вышитыми золотыми нитями. Однажды такие императорские «портреты» на римских знамёнах стали поводом для серьёзных волнений в Иерусалиме¹².

Во времена республики ещё ниже к древку прикрепляли табличку или же кусок материи с названием отряда, которому принадлежит знамя. С конца республики стало всё чаще входить в обычай прикреплять на шесте изображение одного из знаков зодиака (как указание на день, когда был сформирован легион, в состав которого входит отряд – обладатель «знака») или же ка-

¹¹ Согласно одной из интерпретаций, раскрытая ладонь призвана была изначально отражать воздействие стоящих на стороне противника потусторонних сил.

¹² В изображениях цезаря на римских *signa*, внесенных на территорию иерусалимского Храма, евреи усмотрели поправление их древних законов, запрещающих выставлять каких бы то ни было идолов. См.: *Иосиф Флавий*. Иудейская война. 2,9, 2–3 (М., Иерусалим, 1993. С. 128–129).

кого-либо «девиза» легиона. Так, знамёна когорт набранных Цезарем XIII легиона «Gemina» («Двойной») украшал лев, XIV легиона (тоже «Gemina») – козерог (эмблема Октавиана Августа, вероятно, переформированного этот легион), а V легиона «Alaudæ» («Жаворонок») – птичье крыло. Особого сакрального значения таким «девизам» не придавалось – они просто указывали на принадлежность отряда к более крупной армейской единице. Древко могло украшаться ещё дополнительными значками и фалерами. Ближе к нижнему концу знамени крепилась короткая поперечная перекладина – «ограничитель», до которого заострённый конец древка втыкался в землю на привалах.

Известно, что в архаические времена функции знамён (signa) мелких отрядов у римлян выполняли различным связанные пучки соломы, поднятые на высоких шестах. (Собственно, и название отряда – манипула – происходит поэтому от слова, означающего «пригоршня», то есть, пригоршня, пучок соломы.) В отличие от тотемного вексиллоида или же игравшего, скорее всего апотропеическую роль (то есть оберега) изображения раскрытой ладони, пучку соломы вряд ли могло придаваться какое бы то ни было сакральное значение. Здесь в чистом виде можно видеть, что применение воинских знамён вызвано сугубо «технической» необходимостью идентифицировать тот или иной воинский отряд¹³. В большинстве же других армий (в том числе и позднесредневековых) нам приходится наблюдать типологически более сложную ситуацию – когда «техническая» функция знамени уже объединена с «сакральной».

И, наконец, третье, собственно «знамя» (vexillum) – принадлежность «поздней» манипулы и сменившей её при императоре Адриане (117–138) в качестве основной тактической единицы центурии, а также вспомогательного, сборного, конного отряда. Во времена империи оно выглядело как прямоугольный кусок ткани, окрашенной пурпуром, с названием когорты, к которой отно-

¹³ В Новое время эту функцию у знамени во многом отбирает униформа или её характерные детали – особые не только у каждого полка или батальона, но, порой, у роты, эскадрона и более мелких подразделений.

сится данная манипула или отряд, и именем императора, вышитым золотыми буквами. Со времени Адриана на «знамени» писалось и название той центурии, которой оно принадлежало. Изю всех перечисленных до сих пор вексиллоидов vexillum в наибольшей степени напоминает современное знамя – прежде всего тем, что полотнище (прикреплённое, впрочем, в отличие от современного знамени, верхним концом к поперечной перекладине) здесь имеет не столько декоративное или вспомогательное, сколько основное значение¹⁴.

В позднем Риме появляются новые типы знамён. Два главных из них – «дракон» и лабар.

Вексиллоид в виде летящего дракона (draco), делавшийся из легкой ткани и порой, возможно, наполнявшийся разогретым воздухом, начинает использоваться римлянами, вероятно в I в. н. э. (при императоре Траяне?). У кого прямо или опосредованно было заимствовано это выразительное знамя – сказать трудно: историки без особой уверенности указывают то на парфян, то на даков, то на сарматов, якобы передавших «драконов» готам, от которых они в свою очередь попали не только к римлянам, но и ко квадам, вандалам и лангобардам.

На первых порах после своей «романизации» дракон, по-видимому, превратился в значок некоторых (возможно привилегированных) когорт. Однако весьма скоро мы встречаем тот же вексиллоид в непосредственной близости к особе императора. Описывая один из императорских триумфов, Аммиан Марцеллин (ок. 330 – после 395) следующим образом передаёт своё впечатление от «драконов»: «Вслед за длинным строем... свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикреплённых к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно

¹⁴ Если знамена римской армии более или менее изучены историками, то невоинские вексиллоиды, которых, очевидно, в Риме тоже было немало, известны очень плохо. В источниках упоминаются, например, какие-то «знамена коллегий» и «значки храмов», знамена, специально относившиеся к культам отдельных божеств (Юпитера Долихена или Хадада и богини Атаргатис).

разъярённые, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами»¹⁵.

На протяжении IV в. «дракон» использовался в Риме в качестве личного императорского знамени¹⁶. Таким образом, примерно за полтора-два века культурное значение драконовидного вексиллоида поменяло свой знак на противоположный. На колонне Траяна (113 г.) «дракон» предстает в виде явно «чуждого» знамени варварских народов, противостоящих римской цивилизации. Но зато на Санкт-галленской миниатюре рубежа IX и X вв. художник, следовавший позднеимским иконографическим традициям, заставляет «дракона» весть перед победоносным войском библейского царя Давида. И в этом случае такой вексиллоид призван, очевидно, свидетельствовать вовсе не о «варварстве» его обладателей, а совсем напротив, об их «цивилизованности», посредством их включённости в привычную художнику (позднеимскую) символику государевой власти.

Такая переменчивость смысла вексиллоида-дракона мешает точной интерпретации спорадических и плохо датированных известий о его бытовании то у одного, то у другого варварского племени на римской периферии. Выступление в бой, например, квадов или готов под «драконом» толкуется порой в исторической литературе как зримое выражение «дикости» этих племен, их противостояния римской культуре, ориентации на собственную глубоко архаическую символику. Но это же обстоятельство можно понять и противоположным образом: квады и готы уже настолько романизировались или же до такой степени испытали влияние римских культурных образцов, что даже воевать (в частности, и против римлян) не могли иначе как под римским «императорским» стягом.

Последнее из специфических позднеимских знамён, на котором необходимо остановиться – это ла-

¹⁵ Аммиан Марцеллин. Римская история. 16, 10, 7 (СПб., 1996. С. 98). Здесь и далее перевод на русский язык Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни.

¹⁶ Аммиан Марцеллин говорит, что один римский офицер узнал в пылу сражения цезаря Юлиана «по прикрепленному к верхушке длинного копья пурпурному лоскутку, остатку разорванного дракона». – Там же. 16, 12, 39.

бар (labarum)¹⁷. Лабар впервые упоминается Евсевием Кесарийским (ок. 263–340) в контексте знаменитой истории обращения императора Константина. Лабар – по всей видимости и личное императорское, и государственное, имперское знамя – представлял собой длинное золоченое древко, к которому на поперечной штанге крепился относительно небольшой квадратный кусок тонкой белой ткани, вышитый золотом, богато украшенный драгоценными камнями и небольшими погрудными изображениями из золота самого императора, а также членов его семьи или соправителей. На древке лабара могли крепиться фалеры. С распространением христианства лабар стал украшаться христоматомой – «моногограммой» Христа из двух греческих букв «хи» и «ро» – иногда в качестве навершия на древке и в окружении венка из золота и драгоценных камней, но, похоже, чаще в виде изображения (вышивки или аппликации) на самом полотнище¹⁸.

Конечно, в поздней империи должны были использоваться и ещё какие-то формы боевых знамен, отсутствие сведений о которых весьма затрудняет определение путей, приведших к появлению европейских знамен средневекового типа.

Все названные римские знамена (кроме «дракона») конструктивно отличались от знамен современных в одном принципиальном пункте: они не могли развеиваться. Вообще-то вполне современного облика «флаги» из ткани изображены уже на стене в Пестуме (IV в. до н. э.) на юге Италии. Да и у римлян, кажется, был всё-таки по меньшей мере один тканевый «флажок» – *flammula* – небольшой красный вымпел на копье военачальника. И всё же историки обычно связывают распространение в Европе знамен в виде полотнищ, прикрепленных боковой стороной к вертикальному древку, только с рубежом Античности и Средневековья, с появлением в северном Средиземноморье и прилегающих районах кочевых народов, воз-

¹⁷ Этимология слова *labarum* неясна. Возможно, оно восходит к *laureum* [*urexillum*] – то есть знамени, украшенному лаврами.

¹⁸ Слово лабар (в форме «лавар») вошло из византийской литературы и в древнерусские тексты. Там оно применялось ко всяким знаменам и стягам, а не к одному определённым их виду.

можно, испытавших некогда хотя бы косвенное влияние дальневосточной цивилизации¹⁹. В самом деле, развевающиеся знамёна уместнее всего выглядят (и легче всего читаются) в быстро скачущем конном войске, в то время как «штанговые» знамёна римских типов хорошо подходят к армиям, в которых доминирует медленно движущаяся пехота. В пехотном построении развевающееся знамя хорошо читается только при достаточно сильном ветре.

У римлян сложилась высокоразвитая культура использования знамён, повлиявшая на последующую европейскую традицию. Они относились к своим знамёнам как к предметам священным, всячески оберегали их. Захват знамени отряда врагом ложился несмываемым позором на солдат, его допустивших. Какое-либо недостойное поведение воинов могло привести к тому, что начальники отнимали у них знамёна, тем самым расформировывая соответствующий отряд²⁰. Во время стоянки знамёна сберегались в центре лагеря в самом охраняемом помещении. (Кстати, поэтому сюда же могли при необходимости заключать и особенно опасных арестантов²¹). Когда полководец со специального возвышения публично обращался к войску, знамёна выставлялись рядом с ним.

Должность знаменосца (*signifer*, *vexillarius*, *draconarius*, на востоке империи и потом в Византии – *βανδόφορος*) считалась опасной и почётной, на неё назначали заслуженных сильных воинов.

В позднеримском войске (как впоследствии и в некоторых средневековых армиях) знамя могло не только придаваться отряду заранее определённой величины и определённого назначения, но, наоборот, само являться как бы организационным центром, формирующим отряд. Об этом свидетельствует термин *vexillatio*, которым обозначали примерно с I в. до н. э. отряд неопреде-

¹⁹ Китайцы широко использовали «развевающиеся знамёна» задолго до европейцев.

²⁰ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. 21, 4, 5.

²¹ Там же. 20, 4, 10.

лённой величины, составленный из разных частей и сгруппированный вокруг знамени своего начальника²².

Одна из функций знамени в римском войске (как во многих других армиях, в том числе и средневековых) была сигнальная. Поднятие знамён над рядами выстроенной в боевом порядке армии означало приказ к началу битвы. Специальным красным знаменем подавали сигнал к выступлению, атаке, штурму крепости.

Но порой позднеримские знамёна могли использоваться и весьма своеобразным способом, вряд ли известным в других армиях. Сложилось нечто вроде традиции, когда мятежное войско, провозглашая своего полководца императором, возлагало на него импровизированное императорское облачение, наскоро скроенное из «драконов» и тех кусков ткани, что украшали прочие виды знамён²³. Быстро достать в походных условиях редкую и дорогую пурпурную ткань было, очевидно, невозможно иначе, как сорвав её с боевых знамён. Воинские знамёна воплощали в себе как бы частицы императорского багрянца. В результате же столь своеобразного применения знамён эти частицы вновь сливались в исходное единое целое – главную императорскую инсигнию – багряное облачение государя.

Христианизация империи вызвала распространение новой эмблемы – креста, который, видимо, и сам по себе мог быть знаменем²⁴ и служить его основой – древком, к которому подвешивалось полотнище, – и, наконец, изображаться, наряду со христорогмой, на полотнищах знамён типа лабара. Однако старые, ещё языческие символы – «орлы» и «драконы» продолжали широко использоваться в римской (ромейской) армии вплоть до VI в.²⁵ Даже на миниатюрах начала IX в. можно ещё

²² В позднем Риме слово *vexillatio* относилось обычно не к пехотному, а к конному отряду.

²³ Там же. 15, 5, 16; Властелины Рима. Трое Гордианов, 8, 3; Геродиан 7, 5, 3.

²⁴ В выражении *signum* или *vexillum crucis* многие историки склонны видеть именно сам крест как таковой, а не его изображение на знаменном полотнище. Не случайно в ранней христианской иконографии (в отличие от классической средневековой) воскресший и поднимающийся из гроба Христос обычно изображался не со знаменем, а только с крестом в руке.

²⁵ Особо должны, очевидно, рассматриваться те *aquilae* – явно пластические, а не изображённые на ткани «орлы», – что были в войске и

видеть изображения византийского войска (как, впрочем, и арабского) под драконовидными вексиллоидами. Однако, христианизация «ромейских» знамён успешно шла вперёд – и, по крайней мере в IX–X вв., в византийских войсках были знамёна, освящённые вделанными в них мощами и даже иконами.

Христианство не только оказало сильное воздействие на воинские знамёна, оно создало тип церковного знамени – хоругвь. Хоругвь происходит, по всей видимости, от креста, выносившегося из храма во время праздничной процессии. В полном соответствии с римскими вексиллологическими традициями в какой-то момент к поперечной перекладине креста стало принято подвешивать за верхний край кусок ткани на манер лабара²⁶, нижний конец которого стал со временем украшаться косицами или иными завершениями. Эта реконструкция гипотетическая²⁷: первое сообщение о церковном знамени в письменном источнике (да и то скорее в форме намёка) встречается только в VI в. – в «Истории франков» Григория Турского²⁸. С X в. хоругви упоминаются и изображаются в источниках всё чаще. С этой же поры они, кажется, начинают применяться и в литургических целях. Кроме того, хоругвь часто используется в качестве атрибута пасхального агнца (часто изображаемого на полотнище), воскресшего Христа, знаменосца небесного воинства архангела Михаила. Хоругви стано-

на кораблях Фридриха II ещё в 1236 и 1237 гг. Вероятно, в этом случае следует говорить не о сохранении «естественной» преемственности по отношению к Риму, а об очередной сознательной попытке Штауфена искусственно «возродить» античные образцы.

²⁶ Однако, в отличие от лабара, полотнище хоругви могло свешиваться не только спереди, но и сзади от древка.

²⁷ Тем более если учесть, что нам почти ничего неизвестно о традиции языческих храмовых знамён в Риме.

²⁸ *Григорий Турский*. История франков. V, 4. (М., 1987. С. 209.). Denique cum psallentes de ecclesiam egressi, ad sanctam basilicam properarent, hic post crucem, praecedentibus signis, aequo superpositus ferebatur. В переводе В.Д. Савуковой это место звучит так: «И вот когда из главной церкви вышли с пением и шли к святой базилике [св. Мартина], он верхом на коне следовал за крестом, а впереди несли хоругви».

вятся знамёнами религиозных братств, их используют для украшения храмов²⁹.

К сожалению, состояние источников не позволяет отметить того момента, после которого традиционный римский тип «штангового знамени» стал сменяться «древковым знаменем» с боковым креплением полотнища. Не исключено, что начало этой смены можно отнести к распространению в византийской армии VI в. боевого знамени бандона (βάβδον) в виде квадратного полотнища с развевающимися «косицами» (и в греческой, и в римской традиции их именовали «язычками пламени»), пользуясь для этого латинским словом *flamullae*). Учитывая, какую исключительную роль в распространении культурных образцов играла на протяжении всего раннего Средневековья Византия, вполне допустимо предположить, что именно византийские βάβδα стали образцами для первого хорошо известного типа средневековых знамён в латинской части Европы – гонфанона.

Название этого самого раннего на Западе и вместе с тем дольше всего использовавшегося (вплоть до XV в.) вида средневекового знамени восходит к древневерхне-немецкому *gundfano* (примерно переводится как «боевой плат»³⁰). Гонфанон представлял собой небольшой прямоугольный кусок ткани, прикрепляемый узкой сторо-

²⁹ В литературе нередко можно встретить утверждение, что в поздней Античности и раннем Средневековье слово *vexillum* (в отличие от *signum*) относилось исключительно к хоругвям. Но при этом подразумевается не функция знамени («церковное знамя»), а только его форма. Само по себе такое предположение стоило бы скорректировать: вполне возможно, что *vexillum*, действительно, обозначало преимущественно «штанговые знамёна» римского типа, но, во-первых, не всякая разновидность таких знамён по своей форме могла быть именно «хоругвью», а во-вторых, всё-таки нельзя полностью исключить возможности употребления слова *vexillum* отнюдь не как строгого «технического термина». И наоборот, как было показано выше, церковные знамёна (а значит, скорее всего, хоругви) могли обозначаться словом *signum*.

³⁰ Современное немецкое слово *Fahne* в его значении «знамя» возникло, вероятно, вследствие сокращения как раз *gundfano*, поскольку исходный германский *fano* имел вполне «мирное» значение «ткань» (ср. с латинским *pannus*).

ной к копыю³¹. Противоположная древку сторона обычно разделялась на две косицы или более (последнее было распространено преимущественно до XII в.). В X в. появился, а с XII в. стал широко использоваться другой вариант гонфанона, где место сужающихся к концам косиц заняли параллельные друг другу «ленты» в виде сильно вытянутых прямоугольников или трапеций. (В XIII–XIV вв. средняя из трёх «лент» порой делалась длиннее остальных). Косицы и ленты могли выкраиваться цельным куском вместе с основной частью знамени, а могли (с начала XII в.) изготавливаться отдельно (порой из совершенно другой ткани) и крепиться к жёсткому позументу, окантовывавшему внешний вертикальный край основной части знамени.

Гонфаноны догеральдической эпохи делались преимущественно из плотной одноцветной ткани, украшенной вышивками и накладками из серебра и золота. Старейшим изображением гонфанона считается латеранская мозаика конца VIII в. со сценой вручения апостолом Петром паллия – папе, и знамени – императору Карлу Великому³². Многочисленные гонфаноны (чаще всего с тремя косицами, хотя встречаются также с четырьмя и пятью) изображены на знаменитом ковре из Байё (60-е гг. XI в.). Гонфаноны с большим, нежели тричетыре, количеством косиц или лент встречались редко. Некоторые миниатюристы проявляли склонность к тому, чтобы изображать гонфаноны более знатных персон с большим числом косиц или «лент». Однако скорее всего это было художественной условностью, не отражавшей реальности.

Исходную функцию косиц гонфанона можно попробовать объяснить, исходя из гипотезы о его византийских истоках. Согласно «Стратегикону» Псевдо-Маврикия, косицы византийского бандона (а точнее, их число и цвет) являлись тем дополнением к знамёнам воинских подразделений, которое легко позволяло иден-

³¹ Впрочем, в некоторых случаях гонфаноны, видимо, носили и на манер римских знамен или хоругвей.

³² Мозаика неоднократно обновлялась, поэтому сейчас уже нельзя определить, какие детали изображения восходят ко времени создания, а какие являются позднейшими добавлениями.

тифицировать, в какой более крупный отряд они входят, и, так сказать, под каким номером. Поскольку византийская система организации армии не могла по понятным причинам быть воспринята в раннем Средневековье на Западе Европы, то там косицы из элемента «организационного» превратились в декоративный и трактовавшийся изготовителями знамён скорее всего вполне произвольно.

В геральдическую эпоху гонфанон постепенно становится важным носителем герба. Первые простейшие геральдические фигуры появляются на гонфанонах примерно с XII в. – пример такого гонфанона «раннегеральдической поры» можно видеть на надгробии сэра Джона Аберноуна в графстве Суррей (конец XIII в.). Более сложные фигуры представляли собой кресты, которые, впрочем, попадали на гонфаноны ещё и в догеральдическую эпоху, как показывают гонфаноны с ковра в Байё. На гонфаноне вертикальная ось герба нередко (хотя далеко не всегда) «поворачивалась» под прямым углом к древку: с точки зрения наблюдателя, герб как бы «лежал» своей верхней частью вперёд.

Ранние гонфаноны, судя по изображениям, были весьма скромных размеров, поздние же по сравнению с ними заметно увеличились. Один из двух трофейных гонфанонов с гербом верховного магистра Немецкого ордена, захваченных в 1410 г. на Грюнвальдском поле, был от 1,4 до 2 м длиной и от 1 до 1,5 м шириной³³. (Всего среди грюнвальдских трофеев известно шесть различных гонфанонов). На протяжении XV в. этой формой знамени продолжали изредка пользоваться, но к тому времени она должна была восприниматься уже как подчёркнуто архаическая.

Возвращаясь ко времени возникновения гонфанонов – раннему Средневековью – приходится отметить, что европейские знамёна той поры, как и их эволюция, из-за скудости источников известны крайне плохо. Так, скажем, весьма непросто ответить на вопрос о влиянии древнегерманских традиций на внешний вид и практику использования раннесредневековых европейских зна-

³³ Колебания параметров вызваны неопределённостью размеров тех «польских локтей», которыми победители измерили трофейное знамя.

мён. Конечно, из того, что аламаннский вождь Макриан, оказавшись в римском лагере, с изумлением рассматривал увиденные им «тогда впервые» знамёна³⁴, меньше всего следует вывод, что германцы вплоть до IV в. вообще не обладали предметами, имевшими сходные функции. Изумление Макриана должно было относиться к облику римских «знаков», но отнюдь не к ним самим как таковым. С другой стороны, высказывавшееся в литературе мнение, что все красные боевые знамёна раннего Средневековья восходят к «естественному» знамени древних германцев – поднятому над головой куску ткани, пропитанному кровью только что убитого врага, – кажется чересчур романтизированным.

По многим косвенным признакам судя, вексиллоиды обладали сакральностью и у древних германцев, почему, собственно, некоторые из их «знаков» хранились в священных рощах. Наверное, не случайно ещё в языке скальдов одно слово могло означать как знамя, стяг, так и священный предмет, святыню. Ретроспективная реконструкция позволяет предполагать наличие у германцев в роли вексиллоидов священных копий – эта традиция неплохо известна в своем позднем варианте. Особо украшенные наконечники копий археологи нередко находят на севере Европы в слоях, относящихся к X в. Вполне возможно, что существует связь между копьём – атрибутом и священным оружием Водана-Одина и священным копьём – довольно распространённым символом королевской власти в раннем Средневековье. У северных германцев и западных славян существовал обычай хранить некие особые копыя в святилищах, а позже в христианских храмах. В качестве известного примера можно указать на «копье св. Олафа» в Норвегии. Со временем сакральность таких копий (как, впрочем, и иного оружия, прежде всего мечей) подверглась «христианизации»: хранящийся сейчас в Вене в числе императорских инсигний наконечник «Священного копья» был реликвией Страстей Господних – в ней видели сначала «то самое» копье св. Маврикия, а позже «то самое» копье центуриона Лонгина, которым, согласно преданию, на Голгофе был пронзён бок Иисуса Христа. Но

³⁴ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. 18, 2, 17.

главное, в венский наконечник был вмонтирован гвоздь – якобы один из тех, которым прибывали Иисуса к кресту. В X–XI вв. (а отчасти и позже) это копьё считалось одной из важнейших инсигний королей Римских (то есть королей Германии).

Копья-вексиллоиды могли украшаться цветными кусками ткани, которым, правда, скорее всего, отводилась лишь декоративная роль. В раннем Средневековье возможны ситуации, совершенно чуждые современным принципам «устройства» знамени: тогда древко с наконечником нередко оказывалось намного важнее, ценнее и значимее прикреплённого к нему полотнища. По крайней мере у некоторых германских племен особое копьё могло как бы «концентрировать» в себе власть над родом, племенем и так далее, а обладание такой инсигнией автоматически означало обладание властью над каким-то сообществом. Из этого принципа, совершенно чуждого римской вексиллологии, и должна была развиться средневековая традиция оформления передачи владельческих прав путём публичного вручения знамени (а ранее – копья). О таком обряде и его значении раньше всего рассказывает Григорий Турский: «Король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копьё, сказал: «Это означает, что я передал тебе всё мое королевство. Теперь ступай и прими под свою власть все мои города, как свои собственные»³⁵.

К сожалению, почти не удаётся проследить, как именно у германцев менялся смысл их вексиллоидов и из «знамён» рода или племени они превращались в знамёна правящих государей. О том, что такая трансформация не только происходила, но, временами, была замечена современниками, свидетельствует, например, одно место в «Церковной истории» (II, 16) Беда Достопочтенного. Беда рассказывает про короля Эдвина, что тот приказывал ехать перед собой знаменосцу, причем, – характерным образом подчеркивает автор, – «не только в битве впереди него несли знамя, но и в дни мира, когда он объезжал города, поместья и области со своими при-

³⁵ *Григорий Турский*. Указ. соч., 7, 33 (М., 1987. С. 209. – в переводе В.Д. Савуковой).

ближёнными»³⁶. Носили перед королем и особый штандарт, когда он ходил пешком. Вексиллоид, обнаруженный археологами в могильнике Саттон-Ху, позволяет в полном согласии с сообщением Беды определённо утверждать, что знамя даже на севере Европы могло, по крайней мере, с VII в. использоваться в качестве персональной инсигнии вождя.

Другое свидетельство Беды о том, что знамя (*vexillum*) короля Освальда было «украшено золотом и пурпуром» (*aurum et purpura compositum*)³⁷, можно толковать по-разному. То ли речь идёт о пурпурном полотнище, украшенном вышивкой золотой нитью или позументом, то ли о позолоченном древке (или только его наверху), к которому прикреплено пурпурное полотнище. Но и при том, и при другом варианте объяснения трудно не заметить, что даже в далёкой Англии на оформлении знамени явно сказались римские (или точнее уже ромейские) традиции.

Многие историки склонны обнаруживать древнегерманские «вексиллологические» обычаи в хронологически более позднем, но вполне консервативном скандинавском материале. Первые отчётливые письменные свидетельства о знамёнах норманнов появляются с конца IX в. В Фульдских анналах под 891 г. упоминаются «устрашающие знаки» (*signa horribilia*) норманнов, шестнадцать из которых баварский король Арнульф в знак победы над скандинавами велел отправить в свою страну³⁸. Эти *signa horribilia*, возможно, сохраняли ещё облик древних вексиллоидов, чего уже нельзя сказать о знамёнах конунгов, описываемых в сагах. Однако характер изображений на полотнищах этих «новых» скандинавских знамён позволяет видеть и у них наличие архаических языческих корней. Так, в «Саге об Олафе Святом» говорится о «белом знамени со змеем»³⁹, а в кеннинге

³⁶ *Бедя Достопочтенный*. Церковная история народа англоv. 2, 16 (СПб., 2001. С. 67 – в переводе В.В. Эрлихмана).

³⁷ Там же. 3, 11 (С. 84).

³⁸ *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis Scriptores* / Ed. F. Kurze. (MGH, *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi* [7]). Hannover, 1891. P. 120–121.

³⁹ *Снорри Стурлуссон*. Круг земной. М., 1980. (Перевод Ю.К. Кузьменко). С. 191.

«Муха Победы», обозначающем стяг Сверрира (1151–1202), скорее всего «зашифровано» изображение ворона на знамени⁴⁰.

Практика использования знамён у скандинавов предстаёт по сагам как очень развитая – является ли это проявлением собственных северогерманских традиций, или же следствием воздействия римско-ромейской вексиллологической культуры, а может быть, сочетанием того и другого – сказать трудно. В рассказах саг сакральная роль знамени почти не поддаётся выявлению, зато две другие его функции – персонификации государя и сигнальная – представлены весьма наглядно. О высокой степени отождествления конунга с его знаменем свидетельствует, например, «Сага об Эймунде». В её изложении русский князь Ярослав, получив в свои руки знамя своего брата и вместе с тем злейшего врага, уверился, что тот погиб. Ярослава спрашивают: «Знаешь ли ты наверное, что конунг убит?» «Думаю, что это правда, – говорит конунг, – потому что его знамя у нас»⁴¹. Однако следующая же реплика дружинника Ярослава («Не так жаль ему было оставить знамя, как жизнь») показывает, что всё же не следует абсолютизировать «совпадение» в сознании скандинавов конунга с его стягом. О том же, в сущности, говорится и в «Саге о Сверрире»: ярл Эрлинг увидел быстро движущийся «по дороге в Клеппабу стяг Сверрира конунга». «Ярл решил, что там конунг и всё его войско»⁴² и начал атаку. Это было ошибкой: Сверрир с большей частью своего войска укрылся в засаде.

Впрочем, такие исключения скорее подтверждают общее правило: в сагах можно найти немало свидетельств того, что стяг и его обладатель тесно связаны друг с другом. Борьба за знамя – центральный эпизод в описании многих битв. Подъём знамени конунга над головами воинов, перемещение знамени в ходе боя или

⁴⁰ Сага о Сверрире. М., 1988. (Перевод М.И. Стеблин-Каменского, Е.А. Гуревич) С. 120, 132, 171, 262.

⁴¹ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 97.

⁴² Сага о Сверрире. С. 37.

во время похода, падение знамени, – всё это сигналы, которые были прекрасно понятны скандинавам.

Что же касается материковой Европы, то источники позволяют предполагать наличие там в «эпоху викингов» двух основных типов знамён. Первый из них – это знамя государя, которое, как правило, украшено изображением какого-либо особо чтимого святого. Так, если верить Видукинду Корвейскому (ок. 925–980), перед первыми германскими королями Генрихом I (919–936) и Оттоном I (936–973) несли в бою «знамя с изображением архангела, от которого зависит победа»⁴³, то есть архангела Михаила. По-видимому знамя именно такого типа хранится в кёльнском епархиальном музее. Оно известно как «знамя Герберги», и его, если верить традиции, эта сестра Оттона I изготовила для своего зятя Рагенальда. Уникальное «знамя Герберги» представляет собой квадратное полотнище с вышитыми на нём надписями и изображениями ангелов и святых. Возможно, что знамёна с вышитым на них изображением святого покровителя появились в Византии, где они фиксируются по крайней мере с X в. Каково бы ни было происхождение таких знамён, они получили широкое распространение и использовались не только светскими государями, но и епископами, а позже и высвобождавшимися из-под власти сеньоров городскими и даже сельскими общинами. Так, известно, что на знамени Марселя был изображен св. Виктор, Майнца – св. Мартин, Пармы – св. Проспер, Вюрцбурга – св. Килиан⁴⁴, Рагузы (Дубровника) – св. Власий, Задара – св. Георгий, Венеции – сначала св. Марк, а с конца XIII в. его атрибут – крылатый лев (красный на белом фоне, а позже золотой – на красном) и так далее. Главное знамя Немецкого (Гевтонского) ордена также было украшено обликом святой покровительницы этой корпорации – Девы Марии. «Смысл» знамени такого типа, круг представлений, за ним стоящий, угадывается без особого труда: небесный патрон государя, церкви, общины, ордена сам является на поле брани вместе со своим изображением и сражается в ме-

⁴³ *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. I, 38; III, 44 (М., 1975. С. 150, 184 – в переводе Г.Э. Санчука).

⁴⁴ Вюрцбургское «знамя св. Килиана» 1266 г. сохранилось до сих пор.

ру своих сил за тех, кому он покровительствует. Битва двух христианских армий таким образом могла рассматриваться в некотором смысле как борьба двух святых – если и не с оружием в руках, то в качестве заступников за «своих» перед Богом.

Вторым типом знамён (естественно куда более распространённым, чем «главные знамёна» государей и сообществ) пользовались, как считают историки, обычные знатные воины – те из них, что приводили с собой в королевское войско какое-то число собственных зависимых людей. И вот этот-то тип как раз и был представлен уже известными нам гонфанами, а также, возможно, небольшими знамёнами треугольной формы. Их оформление было проще, чем у «знамён государей» – как правило, они не несли никаких изображений. Гонфаны той поры обычно были одноцветными. Цвета могли быть разными, хотя, судя по всему, абсолютно преобладали различные оттенки красного цвета. Первое изображение такого раннесредневекового «красного знамени» сохранилось в евангелии Оттона III (ок. 990 г.) из храма в городе Ахене. В сцене апофеоза Оттона III санкт-галленский миниатюрист рисует двух королей (об их сане говорят короны на головах), почтительно склонившихся перед тронном государя. Каждый из них держит на плече копьё с небольшим красным «флажком». Общая концепция миниатюры позволяет историкам предполагать, что «флажки» должны символизировать зависимость обоих королей от Оттона III. Соответственно, исходя из более поздних материалов, можно допустить, что такие знамёна передавались «верховным» государем подчинённым ему правителям, а раз так, то выходит, что уже в ту пору красное знамя могло быть «ленным», то есть вручаемым сеньором своему вассалу в знак передачи ему феода (лена).

В X–XIII вв., а отчасти и позже, свидетельств о красных знамёнах в источниках много. Их упоминают и в литературной традиции (например, в «Песни о нибелунгах»⁴⁵), и в документах. Весьма ранний достоверный

⁴⁵ «...er bant ovch ce sinem shaffte ein zeichen, daz was rot» (стих 1595). Ср.: Песнь о Нибелунгах. Л., 1972. С. 185: «Значок из ткани красной он прикрепил к копыю». (Перевод Ю.Б. Корнеева).

пример однотонно красного знамени – знамя святого покровителя города Льежа (Люттиха) – св. Ламбера, – известное по меньшей мере с XII в.

В специальной литературе ведётся дискуссия не только о значении, но и о происхождении раннесредневекового «красного знамени». Одни историки видят в нём продолжение гипотетических варварских традиций (о тряпке, вымоченной кровью врага, речь уже шла), другие – продолжение традиций римских, третьи же считают, что красный цвет был излюблен по сугубо «техническим» причинам – он заметен лучше любого иного.

Самым знаменитым из средневековых «красных знамён» является французская орифламма. Орифламма (в наиболее вероятном переводе «Златопламень») представляла собой гонфанон из дорогой шёлковой ткани «цвета крови» или же «огненного цвета» безо всяких изображений или надписей, с двумя, тремя или пятью косицами, прикрепленный к позолоченному древку. То, что эти косицы вызывали у современников ассоциации прежде всего с языками пламени, естественно наводит на мысль о позднеантичных корнях знамени такой формы, украшенного несколькими flammulae.

Изредка края полотнища орифламмы украшались бахромой или кистями белого или зелёного цвета. Не исключено, что порой орифламму носили как хоругвь, косицами вниз (именно так представлял себе это знамя Ш. Дю Канж), хотя сохранившийся иконографический материал показывает орифламму в подавляющем большинстве случаев прикрепленной к древку как обычный гонфанон.

Во многих средневековых текстах орифламма наделяется сакральностью. Уже в оксфордской рукописи «Песни о Роланде» (вторая четверть XII в.) орифламме придаётся особое значение: «Ведут их [французов] на арабов император и Жоффруа Анжуйский с орифламмой. То – стяг Петра: он прежде "Римским" звался. А нынче "Монжуа" ему названье». Комментарий автора или редактора «Песни» относительно «прошлого» орифламмы несколько обескураживает – о связи этого гонфанона со св. Петром в других источниках ничего не

говорится⁴⁶. Зато с XII в. и позже орифламма единодушно описывается как стяг св. Дионисия, небесного покровителя аббатства Сен-Дени и всего французского королевства. Аббат Сугерий (ок. 1081–1151) впервые передаёт сцену торжественного вручения знамени (*vexillum*) св. Дионисия королю Людовику VI в 1124 г. Сугерий сделал оговорку, что этот обряд имеет давнюю историю, но не исключено, что такая ссылка на исторические корни ритуального действия – приём политической риторики, и никто иной как сам Сугерий как раз и заложил в 1124 г. в Сен-Дени традицию передачи орифламмы отправляющемуся на войну королю.

Согласно опубликованному ещё в 1668 г., но весьма авторитетному и сегодня суждению Ш. Дю Канжа, «знамя св. Дионисия» представляло собой первоначально обычное знамя фогтов (то есть светских покровителей и защитников) аббатства Сен-Дени – графов Вексен (*Vexin*). В 1077 г. король присоединил графство Вексен к своему домену и, соответственно, приобрёл как фогтство над Сен-Дени, так и право нести боевое знамя аббатства. Только после этого вручение «знамени св. Дионисия» могло приобрести какой-то особый сакральный смысл – благодаря усилиям энергичного Сугерия, сумевшего превратить старинную обитель в первый и влиятельнейший монастырь королевства, святого Дионисия – в основного небесного покровителя страны, а знамя этого святого – соответственно в священную реликвию и главное знамя королевства.

В литературе время от времени делаются попытки доказать вопреки Ш. Дю Канжу, что у французских королей задолго до Сугерия была некая «древняя» ориф-

⁴⁶ «Песнь о Роланде»; «Коронование Людовика»; «Нимская телега»; «Песнь о Сиде»; Романсеро. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы. Т. 10). С. 118 (Перевод Ю.Б. Корнеева) Во французских героических песнях орифламма упоминается множество раз, но может при этом предстать в весьма разных обликах. В большинстве случаев это личное знамя Карла Великого, но порой под именем орифламмы выступают и знамена иных христианских государей, а иногда и обычных баронов. Более того, даже среди язычников находят обладатели «орифламмы». Таким образом, язык «Песни» проявляет тенденцию к тому, чтобы превратить слово «орифламма» из имени собственного в имя нарицательное и обозначать им всякое личное знамя государя.

ламма – первоначально не связанная с культом св. Дионисия. В построениях такого рода всегда важная роль отводится процитированному выше фрагменту из «Песни о Роланде». Согласно недавней (хотя вовсе не обязательно наиболее близкой к истине) гипотезе, «древнейшая орифламма» – это не столько стяг, сколько его древко – точнее говоря священное копье – одно из многих, почитавшихся, как говорилось, германскими народами раннего Средневековья. На различии между легендарно-эпической орифламмой и конкретным знаменем из Сен-Дени строятся и некоторые другие смелые гипотезы, предполагающие, например, что два эти образа сливаются вместе в сознании творцов и слушателей героических песен не ранее времени Филиппа II Августа (1180–1223).

На протяжении XII–XIII вв. орифламма воспевалась в *chansons de geste*, почиталась как святыня, вокруг её происхождения складывались легенды. Её стали представлять небесным даром, вручённым ангелом то ли «доброму королю» Дагоберту, то ли императору Карлу Великому. В конце концов восторжествовало мнение, что орифламму вместе с другими реликвиями французского королевства (сосуд со священным миром, королевские лилии) небеса даровали ещё Хлодвигу при его крещении.

Торжественно «поднимать» орифламму было принято лишь в особо серьёзных случаях – когда, во-первых, внешняя опасность (прежде всего со стороны не-христиан) грозила всему французскому королевству, а во-вторых, король лично собирался выступить на брань. Орифламма могла также передаваться государю, отправляющемуся в Крестовый поход.

В Сен-Дени сложился целый обряд «воздвижения орифламмы», сердцевину которого составляла месса перед алтарем святых Мучеников, возведённом некогда на личные средства Сугерия. Стяг освящался прикосновением к останкам (или надгробиям) свв. Дионисия, Рустика и Элевтерия. Аббат произносил торжественную проповедь, после которой король и «страж орифламмы» (то есть, знаменосец) должны были принять причастие. По обычаю «страж орифламмы» не мог происходить из

высшей титулованной знати королевства. Судя по сохранившимся начиная с конца XIII в. спискам знаменосцев, ими становились, как правило, немолодые и, очевидно, весьма опытные воины. Аббат поднимал орифламму с алтаря и произносил над ней торжественную формулу благословения с упоминанием архангела Михаила, Авраама и Давида как защитников «божьего народа». Затем он вручал освящённое знамя королю со словами: «Бог по своей милости и благодаря молитвам вашего славного покровителя господина святого Дионисия и его сотоварищей Рустика и Элевтерия дарует вам преславную победу над всеми вашими врагами». Аббат принимал у стоящего на коленях с непокрытой головой славного рыцаря – «стража орифламмы» – клятву беречь стяг.

«Страж», по-прежнему коленопреклонённый, получал орифламму из рук государя. Если она при этом ещё не была надета на древко, то полотнище укладывали на шею рыцарю. Далее, как в сцене принесения оммажа, король поднимал воина и дарил ему поцелуй в уста. Однако время развернуть орифламму приходило только на поле серьёзной битвы: ни в походе, ни при осадах крепостей, ни при небольших стычках орифламмы не поднимали⁴⁷.

В сражении орифламме следовало занимать место «впереди и выше всех прочих знамён». Один вид орифламмы должен был приводить врагов в трепет. Если золочёное древко означало, по мнению некоторых современников, «милосердие – основу королевской справедливости», то цвет стяга толковался либо как «славное мученичество св. Дионисия» и его соратников, либо как кровь Иисуса Христа, пролитая им ради спасения человечества. Кроме того, алый цвет знамени призван был разжечь в душе короля и его воинов пламя веры. Знамя указывало ещё и на бескомпромиссный характер начатой битвы, служило как бы заменой лозунга «победа или

⁴⁷ Обряд «воздвижения знамени» существовал отнюдь не только в Сен-Дени. Известен аналогичный ритуал в Льеже, восходящий к первой половине XII в. Там стяг покровителя города св. Ламбера торжественно доставали из ризницы собора и укладывали на главный алтарь. В ходе обряда по храму проводили белого или же покрытого белой попоной коня, как бы предназначавшегося для самого святого, которому предстояло отправиться на бой ради своих прихожан.

смерть!», а если верить отдельным суждениям, даже «запрещало» сохранять жизнь противникам. Это было «жестокое знамя» – оно требовало для себя человеческой крови, а потому совершенно правильно действовал тот рыцарь – «страж орифламмы», что пронзал в бою врагов остриём древка и пятнал орифламму их кровью...⁴⁸

Постепенно в культуре орифламмы мотивы «подчинения» короля аббатству Сен-Дени отходили на второй план. Знамя всё больше связывалось не столько со св. Дионисием, сколько с Французским королевством в целом, становясь как бы материальным воплощением его чести.

Вряд ли стоит серьёзно полагать, что на протяжении нескольких веков французские короли, действительно, получали один и тот же священный стяг св. Дионисия. У такого знамени было мало шансов физически сохраняться на протяжении столь долгого времени. Даже при триумфальной победе орифламма могла жестоко пострадать (как, например, в битве при Бувине 1214 г.), а в случае поражения она порой вообще исчезала. Надо полагать, что в аббатстве Сен-Дени в таких случаях без каких бы то ни было сомнений изготавливали копию – ведь харизма знамени была заключена не в его материальном естестве, а в таинстве освящения над останками святых. Впрочем, и согласно собственной внутримонастырской традиции Сен-Дени, зафиксированной в XIV в., король получал «подлинник» орифламмы только при выступлении против еретиков, сарацин

⁴⁸ Это надо, впрочем, понимать в том смысле, что «сигнальные функции» орифламмы были ограничены: её наклон и исчезновение из поля зрения сражающихся не означали капитуляции или поражения. Если бы в ордене тамплиеров знаменосец позволил себе в бою наклонить знамя и использовать его как пику, то его бы за это на год лишили орденского плаща, заковали в кандалы, заключили в темницу и заставили выполнять самую тяжкую и унижительную работу. Это же наказание с ним разделили бы те 5 или 10 рыцарей, в чьи обязанности входило охранять знамя и знаменосца в бою. О том, что опускание знамён означало прекращение боя и капитуляцию см. также, например: «Велел он, чтоб дружина знамени опустила, ему на мир с врагами дано согласие было». – Песнь о Нибелунгах. С. 29. В оригинале: «die vanen hiez er laten in dem stvrme nider vrides er do gerte des werte man in sider» (стих 217).

или «дурных христиан». Во всех же остальных случаях ему якобы приходилось довольствоваться всего лишь «копией», провисевшей какое-то время рядом с «оригиналом» над святыми могилами, и как бы «впитавшей» святость всех этих реликвий.

Легендарная слава орифламмы померкла в годы Столетней войны. Знаменитый стяг не смог уберечь французские армии от позорных разгромов при Креси в 1346 г. и Пуатье в 1356 г. Кроме того, с 1418 г. аббатство Сен-Дени оказалось в руках «бургундской партии». Вероятно, по всем этим причинам Карл VII (1422–1466) счел за благо после своей коронации в Реймсе и занятия аббатства Сен-Дени воздержаться от «поднятия орифламмы» против англичан. В XV в. древний символ стал, очевидно, казаться и несколько архаичным, и «политически скомпрометированным». В итоге Карл VII предпочёл ввести знамя с новой символикой – штандарт архангела Михаила.

Далеко не одна лишь орифламма специально освящалась. По всей видимости, обычай освящения знамён возник в Византии, но весьма быстро и широко был перенят и на Западе. Обряд освящения и вручения боевого знамени – *vexillum bellicum* – подробно описывается во многих понтификалиях (сборниках описаний литургических действий, совершаемых епископами). В принципе любое знамя могло быть освящено (точно так же, как, например, и любой меч). Однако некоторые знамёна должны были, очевидно, обладать особой силой – и в частности, Знамя св. Петра – *vexillum Sancti Petri*. Ещё император Генрих III (1039–1056) перед одним из своих походов против венгров просил папу Бенедикта IX (1032–1045) о присылке ему Знамени св. Петра. Известно, что папа Лев IX (1049–1054) передавал такое же знамя своему полководцу во время войны с норманнами. Десять лет спустя (в 1063 или 1064 г.) Александр II (1061–1073) пожаловал Знамя св. Петра главе миланских патаренов рыцарю Эрлембальду. Во второй половине XI в. количество папских пожалований быстро растёт. Урбан II (1088–1099) передаёт своё знамя паломникам, отправляющимся в Иерусалим, и тем самым создаёт один из обычаев, конституирующих Крестовый

поход: в войске, отправляющемся в «настоящий» Крестовый поход, должно присутствовать пожалованное папой Знамя св. Петра. Наряду с религиозным и политическим значением вручение Знамени св. Петра имело и обычный для Средневековья правовой смысл – оно символизировало вполне конкретную передачу в лен римской церковью полководцу, поддержанному папой, тех владений, что ему ещё только предстоит завоевать «при помощи св. Петра». Такое же значение, видимо, имело вручение папского знамени и Вильгельму Завоевателю перед его походом в Англию в 1066 г., и Санчо Арагонскому в 1068 г., и Роберу Гвискару в 1080 г. Другое дело, что нередко удачливые полководцы, такие как тот же самый Вильгельм Завоеватель (1066–1087) старались после своих побед побыстрее забыть о том, что они, получив Знамя св. Петра, тем самым стали вассалами римского престола.

Одноцветная орифламма, лишённая всяких изображений, явно не являлась исключением в пору своего появления – в XII в. Европейские рыцари отправлялись в первые Крестовые походы скорее всего под подобными одноцветными знамёнами, хотя почти наверняка не только под красными. Сами Крестовые походы стали рубежом в развитии европейской эмблематики и символической культуры; тогда же существенные новшества появились и в «знамённом деле» европейцев. Судя по всему, руководители первого Крестового похода для удобства управления объединённым войском договорились о цветах своих знамён: у Боэмунда Тарентского – красный, у Робера Нормандского – золотой, у Балдуина Фландрского – белый. Отряды и отдельные рыцари, следовавшие за каждым из этих полководцев, должны были нести гонфаны цвета знамени своего полководца. Такая практика, совершенно чуждая Западной Европе, могла возникнуть под влиянием общения во время похода с византийцами, в армии которых как раз и было принято окрашивать знамёна одного отряда в один цвет, а другого – в иной. Однако в отличие от ромеев, крестовосцы постепенно превратили цвет знамени в родовую и наследственный. Рыцари, вернувшиеся из Палестины в Европу, принесли с собой из похода и гонфаны, цвета

которых теперь во многих случаях стали закрепляться в их роду. И здесь можно допустить влияние ближневосточной традиции «привязывания» определённого цвета к одной династии (по крайней мере, династии халифов). Так, чёрный был наследственным цветом Аббасидов, белый – Омейядов, зелёный – Фатимидов.

В ходе Крестового похода знамёна европейцев приобрели новую функцию, которая раньше в источниках не просматривается: они (а скорее всего «носимые» ими цвета) стали использоваться для обозначения собственности определённого лица или же предоставляемого им покровительства⁴⁹. Если знамя одного из «франков» поднималось над стенами какого-либо города, то другие уже не посягали на овладение этой крепостью. Поэтому, если справедлива легенда о том, что Ричард I Львиное Сердце (1189–1199) во время третьего Крестового похода в 1191 г. сбросил после штурма Аккры знамя герцога Австрийского, появившееся на городской стене раньше, чем его собственное, то английский король при этом должен был руководствоваться не столько уязвлённой рыцарской честью, сколько вполне эгоистическим стремлением получить во владение важный город, не допустив его перехода к другому князю.

Стены города, подчинившегося тому или иному предводителю крестоносцев, украшали полотнищами «его» цвета – то есть как бы «дубликатами» его личного знамени. Такие «дубликаты» представляли собой, в сущности, первые известные нам по источникам флаги. «Цвета» руководителей первого Крестового похода отразились в ранней геральдике ближневосточных владений крестоносцев. Знаменем Антиохии, доставшейся Бозмунду Тарентскому, стало простое красное полотнище, а гербом антиохийского княжества — красный щит безо всяких изображений. Таким же образом знаменем Иерусалимского королевства стало белое полотнище Балдуина, оно же определило со временем и цвет

⁴⁹ См., например, сообщение анонимной итало-норманнской хроники об том, как Танкред и Гастон Беарнский передали в Иерусалиме свои знамёна мусульманам, чтобы спасти тех от избиения. – *Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 132.

гербового щита королевства. От иерусалимского знамени, в свою очередь, произошло, очевидно, и первое известное двухцветное знамя – рыцарского ордена тамплиеров. Его полотнище состояло из белой и чёрной половин (раннее изображение сохранилось на фреске в орденской церкви Сан Бевиньято в Перудже). Согласно сравнительно позднему толкованию Якова Витрийского (ок. 1170–1240), знамя призвано было показать, что храмовники мягки и дружелюбны к друзьям, но мрачны и ужасны для врагов. Логично предположить, что такое знамя должно было возникнуть ранее того, как в 1145 г. папа провозгласил главным отличием ордена не сочетание белого и чёрного цветов, а красный крест. Зато чёрно-белая гамма тамплиеров была, похоже, прямо унаследована у них родственным им Немецким рыцарским орденом св. Девы Марии.

Одноцветными были известные гонфаны европейских королей «догеральдической» поры. И германские императоры (по крайней мере, со времён Штауфенов, а возможно, и ранее), и французские короли носили красные гонфаны безо всяких изображений. Ранние гонфаны английских государей реконструируются исследователями как одноцветно белые.

Красное знамя императора (а вероятно, также и французского короля) обладало существенным правовым значением – его передача какому-нибудь князю означала взятие его государем под своё особое покровительство и наделение ленами и регалиями. Иногда подобной чести удостоивались и городские общины. Так, город Пиза в 60-е годы XII в. дважды получал от Фридриха I Барбароссы (1162–1190) такое знамя, после чего вплоть до позднего Средневековья пизанцы выступали под однотонным красным знаменем и имели в качестве герба «догеральдический» красный щит без всяких фигур на нём.

Традиция инвестирования князей имперскими регалиями через вручение им государем красного знамени сохранилась вплоть до Нового времени, однако происхождение обычая было забыто. Если в исходном варианте обряда император передавал действительно «свой» гонфанон – тот, которым он до этого реально пользовал-

ся, то впоследствии и красное знамя, и знамя с гербом передаваемого в лен владения привозились с собой инвестируемым князем. Если лен состоял из нескольких владений, вассал получал и несколько знамён. Так, по описаниям XV в. германский император вручал князю несколько таких знамён с гербами соответствующих территорий и ещё одно – красное знамя без геральдических элементов, – которое тогда называлось «знамя правосудия или же символ передачи регалий, в том числе и регалии судебной, включающей право наказывать и казнить преступников»⁵⁰. После такого торжественного вручения «ленные знамёна» нередко бросались в толпу, которая немедленно разрывала их на мелкие куски.

Особенно наглядно символические и исполненные правового смысла манипуляции со знамёнами видны в описании дня 8 сентября 1156 г., считающегося первым днём истории Австрии. Тогда на собрании князей близ Регенсбурга Генрих Язомирготт из рода Бабенбергов передал императору Фридриху I Барбароссе семь знамён, отказываясь тем самым от претензий на Баварское герцогство. Император, приняв знамёна, два из них вернул Бабенбергу назад, отделив тем самым от собственно Баварии Восточную марку (будущую Австрию) и передав её в качестве имперского лена Генриху Язомирготту. Оставшимися пятью знамёнами Фридрих инфеодировал нового Баварского герцога Генриха Льва⁵¹.

⁵⁰ Оттон Фрайзингский (1112/1114–1158) в «Деяниях императора Фридриха» утверждал, что, «согласно обыкновению» королевства вручаются путём передачи меча, а «провинции» – путём передачи знамени.

⁵¹ Интересное развитие обычая инфеодирования знаменем наблюдалось в Венеции. Там передача знамени св. Марка (*vexillum triumphale*) символически оформляла введение в сан дожа. Однако дож принимал знамя не от «вышестоящего» земного властителя, а словно непосредственно от самого Евангелиста. Когда комментаторы рубежа XVI и XVII вв. усматривали в восьми знамёнах св. Марка воплощение «абсолютной земной власти», они, возможно, воспроизводили интерпретацию своего времени. Однако такой обряд передачи знамени на протяжении всего Средневековья не мог не указывать прежде всего на источник власти дожа – вечный и трансцендентный. Выглядело это так: во время торжественной мессы celebrant брал одно из восьми знамён св. Марка из рук адмирала Арсенала и вручал его дожу со словами

Оставаясь в штауфеновских временах, стоит отметить, что и тогда далеко не все красные «императорские знамёна» были «подлинными», то есть использовались изначально самим государем. «Дубликаты» императорского (а во Франции – королевского) красного гонфанона (то есть, прототипы современных флагов) поднимались не только над подчинившимися государю городами, но и над местами, пользовавшимися его особым покровительством, его «миром». Таковыми были, прежде всего, рынки. Если в раннее Средневековье на них в знак «государева мира» нередко возводили каменные кресты, то несколько позже над ними стали поднимать «королевское» красное знамя. Со временем знамя над рынком утратило многое из своего исходного правового значения. В позднее Средневековье подъём или спуск «рыночного флага» означал, как правило, не более чем начало и конец торговли, реже поднятый флаг означал время, когда запрещалось вести торговлю с «чужими» купцами и тому подобное.

«Государевым миром» пользовались не только рынки, но и купцы – соответственно на мачтах своих кораблей они крепили сначала большие издали заметные кресты, а позже и флаги. На Балтике и в Северном море корабли в XII–XIII вв. поднимали на верхушках своих мачт одноцветные гонфаноны для обозначения покровительства со стороны государей. Покровительство императора выражалось флагом красного цвета⁵², а английского короля – белым флагом. Вполне возможно, что бело-красный флаг любекских кораблей (с 1280 г.?) получился из соединения этих двух разных «знаков покровительства». Постепенно и другие ганзейские города обзавелись гербами, знамёнами и флагами, в которых преобладали белый и красный цвета.

Первой и на несколько десятилетий единственной фигурой, украшавшей европейские знамёна, становится

«Consignamus Serenitate vestrae vexillum D. Marci in signum veri et perpetui ducatus». Дож отвечал «Я принимаю», а потом передавал знамя вновь в руки адмирала. – *Muir E. Civic Ritual in Renaissance Venice*. Princeton, 1981. P. 284–285.

⁵² Так, на датских кораблях XII–XIII вв. должны были поднимать также красный флаг, соответствующий цвету гонфанона датских королей, считавших себя до 1182 г. ленниками империи.

с XI в. крест. Судя по всему, сначала он отмечал только гонфаны паломников к Гробу Господню. Считается, что участники первого Крестового похода нашивали кресты только на одежду, но не на знамена, однако уже в описании чуда под Антиохией 1098 г. оказывается, что явившиеся на помощь христианам святые небесные воины Георгий, Меркурий и Деметрий держали в руках белые гонфаны, украшенные крестами. Возможно именно этот авторитетный образец заставил рыцарей прикреплять кресты и на свои знамена (один из относительно ранних примеров – знамя Иерусалимского королевства, чьё белое полотнище было обогащено сначала красным, а позже золотым крестом).

Кресты на гонфанах рыцарей, принявших обет паломничества в Святую Землю, сначала не включались в их гербы и не передавались по наследству. Характерный пример знамени, то получавшего, то терявшего крест – это гонфанон германских императоров XII–XIII вв. Только императоры, решившие отправиться на освобождение Гроба Господнего, в соответствии с общими правилами нашивали на своё знамя крест. Если государь жаловал по сложившемуся обыкновению собственное знамя, когда оно было украшено крестом как знаком принятого обета, то крест мог закрепиться и на знамени «получателя». Именно так город Кремона получил от императора Генриха VI (1169–1197) в 1195 г. красное знамя с белым крестом, а позже и графы Савойские (в качестве имперских маркграфов).

Постепенно белый крест стал использоваться и вне зависимости от участия или неучастия государя в крестоносных предприятиях, так что с конца XIII в. красное полотнище с белым крестом стало восприниматься как императорское знамя. Примерно таким же путём возник в первой четверти XIII в. «Даннеброг» – знамя датских королей (белый крест на красном фоне), в конце того же столетия английское «знамя св. Георгия» (красный крест на белом фоне), а также шотландское «знамя св. Андрея».

Крест на том или ином фоне стал самым распространённым изображением на европейских средневековых знаменах. Знаменем, аналогичным имперскому,

пользовались и рыцари ордена иоаннитов, и первый отряд постоянной французской армии – «пикардийцы» (bandes de Picardie). Чёрный крест на белом поле стал знаменем Немецкого ордена, но, кроме того, Фульдского аббатства и архиепископства Кёльнского. Белый крест на синем фоне украсил знамя Шпайерского епископства, а он же на чёрном фоне города Фрайбурга (Фрибура). Красный крест на белом фоне стал знаменем Генуи и архиепископства Трирского, а синий на белом – Марселя. Примеры из разных районов Европы можно приводить бесконечно.

Начиная со второй четверти XII в. в Западной Европе всё шире распространяются гербы. Начало «геральдической эпохи» в европейском «знамённом деле» привело и к изменению ряда функций знамени и к распространению новой его формы. Теперь знамя всё чаще понимается в качестве носителя родовой эмблемы.

Усиление власти территориальных правителей по всей Европе на протяжении XIII в. выразилось символически в «рассеивании» ими на подвластных им объектах (вещах, зданиях, кораблях) собственных геральдических эмблем. Гербы государей помещаются на стенах, щитах, прикреплённых к бортам или мачтам, на полотнищах флагов. За государями следуют и города: они тоже начинают в геральдической форме обозначать объекты, находящиеся под их властью и покровительством. Лучше всего этот процесс виден по корабельным флагам, где давние одноцветные гонфаноны приобретают новый смысл с помещением на них «местных» символов. Так, на красных «имперских» флагах балтийских купцов появляются городские эмблематические особенности: белая полоса в Дордрехте (1280-е гг.) белый ключ в Бремене (середина XIV в.), белая стрела – в Штральзунде (с 1301 г.). Более сложный случай представляет собой Рига. С конца XIII в. здесь также появляется своя характерная деталь на флаге – белый крест. Однако на красный ли фон он был наложен, остаётся неясным, особенно ввиду одного свидетельства (ок. 1330 г.) о чёрном полотнище рижского флага.

Такая «эмблематическая партикуляризация» по сути дела завершила процесс создания корабельного

флага – изобретения высокого и начала позднего Средневековья. С древности и до этого времени собственной вексиллологической эмблемой обладал не сам корабль, а только его экипаж, или хозяин. И в Древнем Риме, и в Средние века, соответствующие знамёна вносили на корабль, когда на него поднимался полководец или какой-то отряд воинов. Тогда «корабельными знамёнами» становились знамёна тех, кто был в данный момент на борту. «Поднимались» они так же, как и в сухопутной армии, непосредственно перед боем⁵³. Известно, что единственным отличием «флагманского корабля» Ричарда I Львиное Сердце во время похода был только фонарь на вершине мачты. Что касается регулярных флотилий Византии, а позже и подражавшей ей Венеции, то, судя по всему, отряды моряков получали по аналогии с сухопутными отрядами знамёна определённого цвета для каждого крупного «подразделения».

Старинный гонфанон оказался, видимо, недостаточно удобным для демонстрации гербов, нередко всё более сложных, отчего популярность приобрела новая форма знамени – баннер.

Баннер (англ. banner, нем. Panner, Banner, позже Panier, фр. banière, исп. vandera, ит. bandiera) – прямоугольное знамя, как правило, несущее герб владельца. Ранние баннеры (конец XII в.) были сильно вытянуты в высоту, то есть вдоль древка. Приблизительно с первой половины XIV в. распространяются квадратные баннеры, а ещё позже (возможно, только на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени) и вытянутые в длину – именно к таким баннерам восходит форма большинства современных флагов. Первое известное изображение баннера датируется 1162 г. (печать графа Фландрского Филиппа Эльзасского), самый ранний из сохранившихся баннеров относится к XIV в. Изредка на средневековых изображениях можно встретить баннеры, украшенные косицами (в основном тремя) на манер гонфанона. Напротив, весьма часто со второй половины XIV в. использовались баннеры с откосом (прямоугольным треугольником, пришиваемым одной стороной к

⁵³ Впрочем, были, очевидно, и какие-то флаги, также поднимавшиеся при атаке. О них упоминает Аммиан Марцеллин (Указ. соч. 24, 6, 5).

краю полотнища, а тетивой – то есть гипотенузой – вниз). В Британии был обычай завершать баннеры полукругом.

Владельцем баннера (как и гонфанона) мог быть лишь обладатель почётного общественного статуса, о чём подробнее ниже. Поэтому со временем под баннерами стали выступать в поход не только рыцари, но и пехотные отряды независимых городских и даже некоторых крестьянских общин (например, в Швейцарии), претендовавших на положение, не уступающее положению знатных людей.

Размеры баннеров могли быть, по всей видимости, весьма различными. Представляется, что первоначально они, как и гонфаноны, были небольшими. Но некоторые из известных сейчас баннеров XIV–XV вв. уже довольно велики. Так, баннер герцога Бургундского в 1386 г. (похоже, казавшийся современникам исключительно большим) был примерно 1,8 x 3 м. Сохранившийся баннер швейцарского кантона Гларус (1388 г.) имеет размеры 1,25 x 0,90 м. Из баннеров, захваченных победителями при Грюнвальде, самый большой был от 1,5 до 2 м в ширину и от 1,4 до 2,2 м в длину, а самый маленький – шириной от 0,53 до 0,78 м и длиной от 0,59 до 0,86 м. Самый крупный из известных бургундских баннеров XV в. имел размеры 2,25 x 2,90 м.

Средневековые баннеры продолжали жить и в довольно скромных по размерам знамёнах военных наёмников конца XV в., и в огромных знамёнах ландскнехтов XVI в. В Новое время баннеры в своей характерной прямоугольной форме стали основой для знамён пехотных и конных воинских частей. Правда, знамя данного типа у кавалеристов делалось обычно меньших размеров, чем у пехотинцев, и часто квадратной формы (примерно 0,6 x 0,6 м). Со временем именно за таким кавалерийским знаменем закрепляется название «штандарт» (не путать с личным штандартом, с одной стороны, и штандартом в средневековом понимании, – с другой). Различные национальные варианты слова «баннер» превращаются либо в общие обозначения любых знамён вообще, либо же (как *Rapier* в немецком языке) приобретают особую стилистическую окраску и используются

для почтительного обозначения каких-то особенно важных знамён. Настоящие баннеры сохраняются под своим именем в Великобритании и теперь ими располагают, например, члены английского королевского дома. (При этом баннер не идентичен личному штандарту.)

По-видимому, со второй половины XIII в. обладание прямоугольным знаменем – баннером – становится в среде дворянства важным признаком высокого общественного положения. Очень ясное разделение знати на высший слой – тех, кто имеет право нести свои баннеры, – и мелких дворян, которым следовало довольствоваться треугольными знамёнами – пеннонами (pennon) – сложилось во Франции, где оно отразилось даже во вполне официальной «социальной» терминологии. Во французских юридических сочинениях проводится чёткое различие между рыцарями-баннеретами (chevaliers à bannière, banneret), то есть, «имеющими право на баннер» и стоящими ниже их рыцарями-башелье (chevaliers-bacheliers). По французскому образцу и в Англии вводится разделение между бэннеретом и бachelером (banneret – bachelor). Сочинитель одного английского геральдического трактата XV в. считал, что настоящий бэннерет должен приводить с собой на войну не менее 100 человек. Некоторые авторы французских трактатов того же времени требовали от баннерета, чтобы он имел достаточно земли для содержания 6 башелье и 4 боевых коней, другие настаивали на том, что баннерету довольно земли и для 4 башелье, но при этом он должен обязательно владеть фьефом, включающим в себя замок и не менее 25 деревенских очагов. Но все эти попытки теоретической регламентации вряд ли могли иметь в XV в. сколько-нибудь практическое значение⁵⁴.

⁵⁴ Для авторов средневековых трактатов на геральдические темы, как и для юристов, очень характерно стремление видеть мир более упорядоченным и организованным, чем он есть на самом деле. Так, в одной эдинбургской рукописи автор выстраивает иерархию знамён на основании размеров полотнища баннера: самое большое знамя должно быть у императора (6 квадратных футов), самое маленькое – у обычного бэннерета. «И хотя, – пишет он, – некоторые полагают, что знамёна бэннеретов должны быть, как в старину, площадью всего в 2 квадратных фута, но правильнее будет установить размер в три фута, поскольку значение бэннеретов за прошедшее время возросло». Теоретики XV в., стремившиеся увидеть (или ввести) систему в пользование зна-

С XIII в. всё меньше удивления вызывают у современников случаи, когда обычный башелье вдруг получал один из высших постов в войске. И тогда ему «выдавался» баннер, который, впрочем, выражал не его личное достоинство, а достоинство его должности. Возможно, что такие «служебные» баннеры (во всяком случае, на первых порах) отличались от баннеров «настоящих» баннеретов формой (квадратные, а не вытянутые в высоту) и какими-то иными признаками, скажем, отсутствием бахромы.

Впрочем, башелье не был обречён до конца дней своих довольствоваться пенноном – треугольным знаменем. Так, согласно суждению одного из трактатов, башелье вправе добиваться для себя баннера, если он опытный воин, а кроме того, в состоянии содержать на службе не менее 50 дворян, не считая некоторого числа простых стрелков. Тогда по особой просьбе этого башелье коннетабль или маршал может в присутствии герольдов торжественно отрезать треугольный конец его пеннона, как бы превращая пеннон в баннер. Торжественное отрезание конца треугольного знамени, действительно, хорошо известно по французским (в частности, бургундским) источникам XIV–XV вв. (Для обозначения этой процедуры появился даже специальный оборот: *...et faisoient de leurs pennons bennièrs.*) Правда, в описанных случаях человек становился баннеретом за особые отличия в бою, и, похоже, никто у него не требовал доказательств наличия собственного замка, «очагов», земель и должного, по мнению теоретиков, числа воинов. Обрезание концов треугольных знамён и повышение тем самым статуса их обладателя было принято не только во Франции, но также в Англии и Испании. В Испании, впрочем, различие между рыцарями, имевшими право на прямоугольное знамя, и теми, кто мог иметь только треугольное, соблюдалось на практике, кажется, намного менее строго, чем в Англии или Франции.

мёнами, очевидно, испытывали затруднения, когда пытались отыскать в ней место и старинному гонфанону. Его либо не упоминали вообще, либо же рассматривали гонфанон как специфическую принадлежность баронов и потому ставили это знамя между баннером и пенноном.

В германских землях действовали иные вексиллологические традиции. Когда в 1476 г. герцог Лотарингский Рене II (1473–1508), в восхищении от мужества, проявленного его союзниками швейцарцами в битвах с войсками герцога Бургундского Карла Смелого (1465–1477), торжественно отрезал далеко выступавшие за внешний край их знамён особые ленты – «швенкели», швейцарцы не только не оценили оказанной им чести, но даже, напротив, обиделись и вскоре восстановили свои знамёна в прежнем виде. Столкновение двух кое в чем различных европейских вексиллологических культур привело к серьёзному недоразумению и взаимному непониманию участвовавших в «символическом диалоге» сторон. «Швенкель» (Schwenkel), вызвавший этот конфликт, являлся, по крайней мере с начала XIV в., весьма характерным для германских земель «добавлением» к знамени. Он представлял собой длинную узкую и обычно одноцветную полосу материи⁵⁵, пришитую снаружи вдоль верхнего края полотнища. Если происхождение швенкеля из косицы более или менее понятно (хотя и не вполне ясно, как давно швенкели появились), то в отношении его значения не было согласия даже среди современников. Одни были уверены, что швенкель – позорящий знак: он «присуждается» за утрату знамени в бою и нашивается на новое знамя – заменившее бесславно утраченное. Однако есть много свидетельств того, что сами обладатели швенкеля, во всяком случае в XIV–XV вв. рассматривали его наоборот как почётный знак и ценили как привилегию. Король Римский (и будущий император) Сигизмунд Люксембург (1410–1437) пожаловал в 1417 г. красный швенкель на знамя города Констанца явно желая проявить тем самым своё расположение к горожанам, а не презрение к ним. Реакция швейцарцев на упоминавшийся выше великодушный жест Рене II Лотарингского также не даёт оснований полагать, что они склонны были стыдиться своих швенкелей. Похоже, что в швейцарских городах швенкель рассматривался как своего рода знак имперской свободы, символ подчинения королю или императору непо-

⁵⁵ Впрочем, швенкель баннера г. Кельна (XV–XVI вв.) был украшен многократно повторённым гербом города.

средственно. Так, вне зависимости от истинного происхождения этого элемента их знамени, цюрихцы были убеждены, что красный швенкель был пожалован им на знамя ещё королем Рудольфом I Габсбургом (1273–1291) за помощь против епископа Базельского. Базельское знамя, в свою очередь, также украшал красный швенкель, и он появился, по мнению местных жителей, в связи с приобретением городом в 1386 г. права высшей судебной юрисдикции. Естественно, что ни цюрихцы, ни базельцы не могли придти в восторг от инициативы герцога Рене. (Вот только жители горного Гларуса с ней, кажется, в конце концов согласились.)

Похожее на швенкель украшение знамени (иногда даже удвоенное) встречается и в весьма далёких от Германии краях – на Пиренеях, где его обычно называли *cola* или же *punta*. Авторы испанских геральдических трактатов XV в. объясняют *cola* и *punta* как дополнение к знамёнам либо младших сыновей тех, кто имел право носить баннер, либо же представителей нетитулованной знати.

Оттеснённые баннерами на второй план треугольные по форме знамёна известны с раннего Средневековья (старейшее известное изображение на уже упоминавшейся миниатюре из Ахенского евангелиария Оттона III). На протяжении Средних веков они существовали в разных вариантах (при их описании необходимо обращать внимание на размеры полотнища, а также на расположение тетивы треугольника – сверху, снизу или у древка). Относительно ранняя форма треугольного знамени — павон (*ravon*). Павон крепился к копыю не короткой, а одной из своих длинных сторон. Форма павона оказалась пригодна для демонстрации только самых простых гербов, вероятно поэтому он был вытеснен в геральдическую эпоху пенноном, упоминаемым источниками начиная с конца XII в. Пеннон крепился к древку узкой стороной и потому оказывался длиннее павона. Так, согласно одному из рыцарских романов начала XIII в., синий пеннон легендарной королевы бриттов Джиневры нёс ближе к древку изображение трёх корон (то есть герб супруга Джиневры – короля Артура), а ближе к концу очевидно личное «дополне-

ние» королевы – изображение орла. Кстати, возможно, что в пору создания этого романа треугольное полотнище ещё не воспринималось как уступающее по достоинству полотнищу прямоугольному. Один из ранних примеров действия нового правила «иерархии форм» знамённых полотнищ можно найти в гербовой книге герцога «Бавария» (рубеж XIV–XV вв.), в которой над каждым изображением герба нарисован флажок: прямоугольный для более знатного лица, а треугольный – для стоящего ниже в сословной иерархии.

Во французских источниках XIV–XV вв. нередко можно встретить и уменьшительную форму слова «пеннон» – *penponcel* (или, как в современном французском – *penponceau*). Одни специалисты не видят принципиальной разницы между *penpon* и *penponsel*, другие же, напротив, говорят в данном случае о двух разных знамёнах: *penponcel*, в частности, был меньше пеннона, очень напоминая по виду кавалерийские значки Нового времени, он никогда не украшался бахромой, а главное, обозначал более низкий общественный статус своего владельца.

С конца XIV в. известны примеры (самые ранние из Англии), когда конец треугольного знамени раздваивался. Несколько позже входят в моду и треугольные знамёна с закруглённым концом. Судя по хорошо сохранившемуся бургундскому материалу, никакого дополнительного смысла современники в этих деталях знамён не усматривали. До сегодняшнего дня сохранилось несколько средневековых пеннонов, довольно сильно различающихся своими размерами. Так два савойских знамени такого типа имеют размеры 0,90 x 1,6 м и 1,6 x 2,9 м соответственно. Сохранившийся материал позволяет оценивать размеры бургундских пеннонов от 0,65 x 1,25 м до почти 3 м в длину.

Хотя пеннон и стоял «ниже» баннера, обладание им тоже рассматривалось как честь. Некоторые авторы французских геральдических трактатов XV в. считали, что пеннон позволено иметь лишь тому рыцарю, кто в состоянии вести за собой на войну 20 воинов.

Не во всех случаях обладание баннером исключало одновременное владение и «низшим по рангу» тре-

угольным знаменем. В военном походе, возможно, всякий баннерет мог в принципе пользоваться и баннером как своим «главным» знаменем, и в каких-то случаях пенноном как дополнительным. Антуан да ла Саль (ок. 1386 – ок. 1462) в своем сочинении «La Salade» (1441) подходил к этому вопросу строже: он писал, что простые рыцари вправе иметь только пенноны, бароны, виконты, графы и маркизы – только баннеры, и лишь принцы или короли – и пенноны, и баннеры одновременно. Итак, по крайней мере «принцы и короли» могут пользоваться наряду с «основным» – прямоугольным – знаменем ещё и «дополнительным» – треугольным. Антуан да ла Саль вёл речь прежде всего о турнире, и действительно, хорошо известны миниатюры, изображающие французских принцев крови, бьющихся на турнире во главе отряда своих воинов под двумя знамёнами. Однако вряд ли именно турниры привели к практике использования «дополнительного» знамени. Очевидно, что развитие «знамённого дела» шло не столько под влиянием теорий и рассуждений позднесредневековых специалистов по геральдике, создавших, наподобие правоведов, свой мир воображаемых сущностей, норм и правил, сколько под воздействием социальных трансформаций, развития военного дела, появления различного «специализированных» и мобильных воинских отрядов, расширения театра боевых действий.

Не случайно число видов и подвидов знамён постоянно растёт именно на протяжении XV в. Если в раннем Средневековье одинокий гонфанон государя или полководца должен был обозначить место его вполне конкретного физического присутствия в войске, то появление на протяжении позднего Средневековья двух, трёх и более знамён у одного лица было ответом на потребность выразить его символическое присутствие в разных местах, а в идеале – в каждом подразделении своей армии.

Одним из характерных вексиллологических изобретений Средневековья стал штандарт.

Слово «штандарт» (исходная форма – старофр. *estandard*) впервые упоминается в текстах ок. 1230 г. Несмотря на исходно французское название, штандарт происходит, вероятно, из Англии, и появился во Фран-

ции только в последней четверти XIV в. До германских земель эта форма знамени, вероятно, так и не дошла, во всяком случае, там штандарты не получили распространения вплоть до конца Средневековья. Хотя этимология слова «штандарт» до конца не ясна, уместно полагать, что оно прежде всего означало знамя, не столько носившееся (всадником в руках), сколько устанавливавшееся (например, на месте сбора войска, перед палаткой полководца на привалах или же на его «командном пункте» во время сражения). Соответственно, штандарт мог быть намного больше обычного гонфанона или баннера, а оттого и легче заметен в походе и битве. Главная особенность средневекового штандарта состояла, однако, в ином. В отличие от баннера и пеннона, он нёс не полный герб владельца, а лишь отдельные его мотивы⁵⁶.

Появление такого вида знамён объясняется в специальной литературе по-разному. Одни авторы видят причину в том, что относительно жёсткие геральдические нормы уже не оставляли к XIV–XV вв. простора для индивидуального самовыражения и наряду с гербами получили всё большее распространение изобразительные девизы, а штандарты и гвидоны (о которых ниже) стали носителями именно таких девизов. Другие исследователи говорят, что замена гонфанона или баннера с гербом на штандарт с изобразительным девизом вызвана изменением социального облика военачальника. Если первоначально полководцем мог быть только благородный рыцарь, чья власть основывалась на его происхождении, то затем руководство войсками всё чаще доверяли такому капитану, в возвышении которого главную роль сыграли его качества профессионального военного, а отнюдь не знатность. Обычно полотнище штандарта было сильно вытянуто в длину и заканчивалось двумя косицами. Первоначально и на протяжении

⁵⁶ Автор одного из геральдических трактатов XV в. писал, что штандарт должен отражать ливрейные цвета своего обладателя и нести изображение его нашлаемника. На практике эта норма, действительно соблюдалась, как показывает изображение эрла Солсберийского в одной рукописи XV в. Нашлемник эрла состоит из головы и крыльев грифа, а поле его штандарта украшено изображением выступающего грифа. Тем не менее, говорить об универсальности такого правила нет никаких оснований.

значительной части XV в., вырез между косицами был глубоким (форма ласточкиного хвоста), но во второй половине XV в. стали распространяться штандарты с меньшим вырезом (вилообразные) либо завершающиеся не косицами, а остриём или же закруглением. Ранние штандарты несли только изобразительные девизы, но позже в части, ближней к древку, стали помещать изображения святого покровителя или его символ (например, крест св. Георгия в Англии).

У Эдуарда III (1327–1377) в битве при Креси был штандарт с изображением св. Георгия, побеждающего дракона. О «большом штандарте» французского короля Карла VI (1380–1422) в 1382 г. известно, что на его белом полотнище с красной каймой было вышито золотое солнце с лучами и в окружении маленьких солнц. В другой раз на штандарте того же государя был представлен крылатый олень. На штандарте ливрейных цветов его сына, будущего короля Карла VII, можно было видеть фигуру архангела Михаила и изобразительный девиз дофина. На ковре XV в. из руанского музея виден французский королевский штандарт: красное полотнище с изображением архангела Михаила, разящего дьявола, и сияющих солнц, разбросанных по всему полотнищу. «Большой штандарт» Филиппа III Доброго, герцога Бургундского (1419–1467), относящийся примерно к 1430–1432 гг., описывается как красный с белой каймой с четырьмя огнивами и девизом *Aultre Naray* («у меня не будет иного») в дальней от древка стороне и двумя косицами (ласточкин хвост) усыпанных маленькими золотыми языками пламени. На штандарте Рене II Лотарингского было изображено Благовещение, а про «Большой штандарт» 1467–1468 гг. его противника – Карла Смелого – известно, что он был сделан из белой тафты и украшен изображением св. Георгия, побеждающего дракона, а кроме того словесным девизом герцога, начертанным золотыми буквами. Среди «бургундской» добычи, захваченной швейцарцами, трудно идентифицировать «большой штандарт» Карла Смелого, зато обнаруживается немало штандартов отдельных его отрядов. Все штандарты несут изображения какого-либо святого у древка (у каждого отряда – свой святой покровитель),

бургундский изобразительный девиз – огниво – и словесный – *Le lay emprins* («я дерзнул на это»).

Словесные девизы, привычные в Бургундии, похоже, не было принято помещать на французские королевские штандарты. Обычное местоположение такого девиза – вдоль дальней части полотнища, ближе к завершению. Обычай писать девиз как бы на лентах, извивающихся по всему полотнищу, появляется впервые, судя по всему, в Британии и только в начале XVI в.

Штандарты XV в. редко превышали 3,5 м в длину (так, упомянутый чуть выше штандарт Карла VI 1382 г. имел размеры примерно 0,60 x 3,5 м), хотя в Эдинбурге и сейчас можно видеть шотландский штандарт *Cavers* 3,7 м — едва ли не длиннейший из сохранившихся. Самый большой из бургундских штандартов имел размеры 1,37 x 4,86 м. Ещё длиннее – почти 6 м – был штандарт, который несли в похоронной процессии при погребении короля Людовика XII (1498–1515). Цвета штандарта были красный и золотой, его украшали изобразительные девизы как самого усопшего, так и его предшественников.

Авторы поздних геральдических трактатов принимали попытки сузить круг лиц, имеющих право пользоваться штандартом. Порой выдвигалось требование, чтобы тот, кто потерял в бою свой штандарт, не мог бы завести себе новый до той поры, пока в свою очередь не захватит штандарт противника. По некоторым сочинениям создаётся впечатление, что штандарты были почётнее в военное время, а баннеры – в мирное. Однако авторы других трактатов видели соотношение между штандартом и баннером явно совсем иначе, когда допускали бегство воина от своего штандарта, но категорически запрещали ему покидать баннер или пеннон с изображением собственного герба. Их позиция представляется вполне логичной именно потому, что баннер и пеннон несут полный герб, а штандарт – только некоторые его мотивы. Впрочем, даже эти авторы усматривали в опрокидывании штандарта противником большое бесчестье для его обладателя.

Если вытянутый в длину, почти прямоугольный (за исключением косиц) штандарт то и дело сопоставлялся «теоретиками» с баннером, то с треугольным пенноном

столь же последовательно сравнивалось ещё одно новое знамя, появившееся, видимо, только в XV в. – гвидон. Бургундский придворный и писатель Оливье де ла Марш (ок. 1426–1502) прямо говорит, что гвидон так же относится к штандарту, как пеннон – к баннеру. Действительно, гвидон настолько же больше пеннона, насколько и штандарт больше баннера. Появление гвидона как знамени, «дополнительного» по отношению к штандарту, связывают обычно с возрастанием роли пехотных отрядов в армиях XV в. Современники считали гвидон изначально «знаменем лучников». И действительно, весьма вероятно, что исторически он служил обозначением сборного пункта для лучников и арбалетчиков, которых приводили с собой сеньоры, и которым теперь предстояло объединиться в сводный пехотный отряд. В некоторых трактатах требуется, чтобы на гвидоне обязательно был помещён словесный девиз его хозяина. Это правило, впрочем, явно не всегда соблюдалось. Не обязательно выдерживалось и различие, представляющееся таким логичным на основании аналогии между баннером и штандартом: на пенноне помещается герб, а на гвидоне только его мотив или девиз. В конечном итоге решающим для сравнения оказываются прежде всего размеры знамён (гвидон всегда больше пеннона). Однако именно о размерах знамён источники хуже всего информируют историка⁵⁷.

В Испании гвидон (*guion de una punta*) описывался в XV в. иначе, чем во Франции: здесь он предстаёт всё же в виде прямоугольника, сильно вытянутого в длину. Это знамя используется, во-первых, королями и

⁵⁷ Вообще постоянно необходимо иметь в виду, что классификация средневековых знамён – вещь весьма условная и составить универсальный список их видов вряд ли когда-либо удастся. Порой весьма затруднительно определить, имея дело даже с сохранившимися знамёнами, достаточно ли данный пеннон велик для того, чтобы его уместнее было бы называть гвидоном, и достаточно ли данный гвидон велик, или же раздвоен на конце, чтобы заподозрить в нём штандарт. На рисунках же размеры сплошь и рядом не указывались вообще, а пропорции могли воспроизводиться неточно. В результате, например, одни исследователи склонны в соответствии с сугубо формальным признаком называть все большие раздвоенные флаги – гвидонами, а нераздвоенные – штандартами, другие же поступают совершенно наоборот.

императорами: его несут рядом с ними, чтобы показать их местонахождение, а во вторых, – капитан-генералами и коннетаблями. Другой автор говорит о гвидоне как о знамени для разведчиков и укрывающихся в засаде, что вновь указывает на гвидон как на «знамя пехотинцев». Авторы трактатов согласны в том, что гвидон можно использовать для небольших отрядов, поскольку захват гвидона противником не такой большой позор, как утрата штандарта.

Среди бургундских знамён немало было таких, которые историки называют корнетами. Корнеты представляли собой длинные и узкие флаги. Сохранившиеся имеют от 0,3 до 0,5 м в ширину и почти до 3 м в длину. Историки рассматривают порой эту форму как развитие ленты – «бандероли», ранее носившейся непосредственно на шлеме. Корнеты явно предназначались для отрядов конницы. Подобная же форма встречается и в Испании, где она получила название *muestra luenga* и использовалась в основном отрядами пушкарей. Какое-то похожее по виду, но явно несравненно более почётное знамя изображено на немецких миниатюрах XIV в., представляющих поход императора Генриха VII (1308–1313) в Италию. Здесь очень длинная и узкая полоска полотнища разделена вдоль на две равные полосы: красную и золотую.

Первая известная нам попытка регламентации использования знамён и флагов в средневековой Европе содержится в «Партидах» короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого (1252–1284). Там впервые предлагается чёткая иерархия видов знамён, на вершине которой находится штандарт (*estandarts*), описываемый как квадратное полотнище без косиц, иметь который могут позволить себе только император и короли. На второй ступени оказался *seña cabdal* – флаг командующего – квадратный, но с тремя округлыми завершениями. Его могли носить сеньоры, за которыми следовало не менее 100 рыцарей, а также руководители отрядов, состоящих из горожан или некоторых иных сословий королевства. Такое же знамя могли по специальному разрешению короля получать проводники. Третье знамя – *pendon posadero* – был широким у древка и суживался к концу.

Он являлся специальным пенноном для тех, кто ехал впереди войска и обеспечивал квартирами своих господ. Такой же пеннон следовало носить верховным магистрам рыцарских орденов, отдельным командирам и тем сеньорам, за которыми следовало от 50 до 100 рыцарей. Как ни странно, местный аналог баннера – *vandera* – оказывался «ниже» треугольного: он доставался «в соответствии с обычаем» тем, кто вёл за собой от 10 до 50 человек. Законодатель хотел видеть полотнище баннера прямоугольным и таким, чтобы длина на треть превышала ширину. Ещё один, не обозначенный точнее, вид знамени предназначался для старших официалов короля (*oficiales mayores*). Их знамёна должны были быть узкими и длинными, с двумя косицами. Похожее знамя, но чуть меньшего размера могли показывать те, за которыми следовали от двух до пяти рыцарей. Верховный адмирал на море должен был поднимать королевский флаг и свой — *seña cabdel* – с собственным гербом. На прочих кораблях не должно было виднеться иных флагов, кроме королевских или командира флотилии, за исключением одного пеннона с собственным гербом командира корабля. В какой мере все эти распоряжения соблюдались на практике, сказать столь же трудно, как и во всех иных случаях, когда приходится иметь дело с нормативными правовыми документами в Средние века.

Основная линия в развитии западноевропейского знамённого дела состояла, однако, не в уточнении иерархии индивидуальных знамён, а в определённой унификации знамён, используемых в одном войске, как выражение ведущей тенденции в развитии власти: от множественности и полицентричности сеньориальной власти к власти единого суверена – государя или корпорации. Ещё королю Ричарду II (1377–1399) однажды архиепископ Йоркский посоветовал не допускать использования во время боя иных пеннонов, помимо тех, что несут королевский герб. Постепенно такая практика широко распространилась – теперь во многих армиях стало принято показывать во время боя не «своё», «индивидуальное» знамя, а пеннон сеньора, стоящего у главе войска. Особенно много свидетельств этому относится к XIV–XV вв. Так, в 1411 г. Карл I, герцог Орлеанский

(1407–1465), раздал своим воинам, отправлявшимся с ним вместе против герцога Бургундского, 4200 чёрных пеннонов, украшенных словом «Справедливость». Но и в Бургундии унификация знамён зашла в XV в. уже очень далеко. Начинает складываться централизованная система распределения знамён разного «качества» для отрядов разных размеров и значимости⁵⁸. Нарастают и общие черты в оформлении сходных по типу знамён. «Знамённое дело» явно идёт по пути стандартизации⁵⁹. Путь от личного знамени сеньора к знамени отряда вёл через личное знамя командира отряда. Не вызывает удивления, что в пехоте такое развитие началось раньше. Уже в 1351 г. французский король Иоанн II Добрый (1350–1364) распорядился разбить своих стрелков на группы по 25–30 человек и велеть командиру каждой из них иметь пенонсель с изображением его личного герба. Чем больше регулярности приобретают армии, тем более единообразными становятся знамёна в ней. В XV в. их уже начинают изготавливать «централизованно» по заказу лица, возглавляющего армию, и раздавать командирам отрядов – практика, совершенно немыслимая на Западе (в отличие от Византии) в более ранние времена, когда знамя воспринималось прежде всего как знак индивидуального личного достоинства.

У противников бургундцев – швейцарцев – по понятным причинам не могло возникнуть единого регулярного и иерархизированного войска «княжеского» образца, однако необходимость бороться с «информационным засорением» поля боя «лишними» знаками была осознана и здесь. Полководцы союза заставляли перед боем сворачивать «второстепенные» знамёна, добиваясь тем самым не только большей эффективности выполне-

⁵⁸ Естественно, что в Священной Римской империи при её рыхлой организации никакой «раздачи знамён» не было и не могло быть. Император Карл IV Люксембург (1346–1378) характерным образом требовал от ландфогта, чтобы он, выступая против разбойников и врагов империи, отправлялся бы в поход под имперским знаменем. Следовательно, изготовление такого знамени было заботой сугубо самого же ландфогта.

⁵⁹ Тем не менее, в украшении знамён продолжали принимать участие лучшие придворные художники или сотрудники их мастерских. В манере украшения бургундских знамен искусствоведы узнают влияние Яна ван Эйка (1385/90–1441).

ния знамёнами сигнальных функций, но и – на свой лад – торжества единой общей воли над изволениями отдельных индивидов и мелких корпораций.

После «Партид» короля Альфонса X на протяжении Средневековья в разных европейских странах время от времени появлялись различные правила по использованию знамён и обращению с ними. В них фиксировали иерархию знамён, излагали правила их использования в бою, описывали, кто должен заботиться о знамёнах в военное и мирное время. Так, например, благодаря некоторым сохранившимся «боевым распорядкам», известно, что в швейцарских отрядах клятву оберегать знамя даже ценой собственной жизни сначала приносил знаменосец; за ним в том же клялись четверо его помощников, а после них ещё 100 человек, которым поручалось охранять войсковое знамя. Существовало немало обычаев, связанных со знамёнами. Так, в средневековой Швейцарии фиксируется одно весьма лукавое обыкновение: перед выступлением в поход знамя отряда окуналось в воду и воины торжественно произносили клятву не возвращаться домой до тех пор, пока враг не будет разбит или же пока знамя не просохнет на воздухе.

Однако и помимо записей таких официальных регламентов и полуофициальных обычаев вексиллологи располагают рядом весьма полезных источников. Они используют инвентари и счётные книги, в которых нередко подробно отражается вся технология изготовления знамён от закупки ткани и заказа украшений до оплаты красок и работы художника, расписывавшего знамя.

Конечно, лучшим источником являются сами знамёна, однако по понятным причинам средневековых знамён осталось очень мало. Известно, что лучше и дольше всего хранятся знамёна не у их «законных хозяев», а у тех, кто нанес им поражение⁶⁰. Трофейные знамёна – предмет гордости и источник воодушевления. Их часто жертвовали в церковь, естественно, особенно охотно в ту, которая была посвящена главному небесно-

⁶⁰ Это справедливо и для Нового времени – вспомним, что уникальная коллекция старых русских знамён хранится в Стокгольме, а появилась она там благодаря проигранной русским войском битве при Нарве в 1700 г.

му патрону победителей, «сопровождавшему» их на поле брани и способствовавшему их победе. В церкви же обычно хранилось и знамя с изображением святого покровителя города, под которым выступал в бой местный отряд. Если трофейные знамёна, обычно вывешивавшиеся в главном храме, со временем приходили, несмотря на всю заботу о них, в ветхость, художники зарисовывали их и собирали получившиеся рисунки в «Знамённые книги», чтобы сохранить память о славной победе для грядущих поколений и тогда, когда сами завоеванные трофеи уже исчезнут. Конечно, отдельные зарисовки знамён можно встретить и в более ранних памятниках, таких как различные «гербовые книги» или же на иконах, миниатюрах в хрониках, на витражах в соборах, на упоминавшихся выше портоланах и других картах, однако их нельзя сравнить с систематическим и относительно точным воспроизведением знамён в «знамённых книгах». Не удивительно, что «знамённые книги» – один из излюбленных историками источников. Самая ранняя из сохранившихся «знамённых книг» была создана в 1448 г. по инициативе настоятеля краковского кафедрального собора знаменитого историка Яна Длугоша (1415–1480). На 56 иллюстрациях этого кодекса представлены знамёна, захваченные польскими войсками в 1410 г. на поле у Грюнвальда (Танненберга) и в 1431 г. в бою у Накеля⁶¹. «*Banderia Prutenorum*» Длугоша – один из важнейших источников по истории Грюнвальдской битвы. Для средневековой вексиллологии этот «альбом» имеет далеко не только региональное значение. На стороне Немецкого Ордена при Грюнвальде (Танненберге) сражались рыцари из разных стран Западной Европы, и их знамёна также оказались в числе трофеев.

Особенно широко тип «знамённых книг» представлен в Швейцарии XVI–XVII вв. К этому времени стали приходить в негодность самые знаменитые из швейцарских трофеев – знамёна, захваченные в битвах с войсками Карла Смелого в XV в. Это и вызвало появление кодексов с зарисовками бургундских знамён в Гла-

⁶¹ Jana Dlugosza *Banderia Prutenorum* /Ed. K. Gyrski. Warszawa, 1958.

руссе (1616), Биле (1625), Люцерне⁶² (1656), Фрибуре (1646–1647), Золотурне (1641), Цюрихе (1699)⁶³.

Старейшая знамённая книга в Англии составлена только в 1531–1532 гг. по-видимому на основании списков участников похода во Францию короля Эдуарда IV в 1475 г. «Знамённая книга» Джона Кока, герольда Ланкастера (1559) представляет собой богатое собрание знамён английской знати времён царствования Генриха VIII (1509–1547)⁶⁴. Старейшая «знамённая книга» в Италии составлена по приказанию герцога Карла Эммануила I Савойского (1580–1630) и содержит в основном изображения знамён, захваченных у французов в битве при Сент-Квентине в 1557 г.

Как уже говорилось, преобладание в работах вексиллологов рассказов о боевых знамёнах, а также о знамёнах и флагах как символах становящегося государственного суверенитета, определяется прежде всего традицией, сложившейся в этой дисциплине. Историк, занимающийся средневековыми знамёнами, не должен забывать и об очень плохо пока что изученных церковных хоругвях, и о чисто сигнальных флагах (обычно красного, реже жёлтого или белого цвета), которые поднимались на сторожевых башнях при появлении в поле видимости неприятеля, при возникновении пожара, волнений или эпидемий внутри стен, о знамёнах всевозможных корпораций, и о некоторых вексиллоидах, продолжавших существовать и в Средневековье. (Именно в качестве вексиллоидов можно определить те выносные

⁶² В люцернской церкви францисканцев в 1625–1626 гг. прямо на стенах были нарисованы висевшие там ранее знамёна – это можно считать самой большой из всех «знамённых книг».

⁶³ В тех случаях, когда городские власти не удосужились вовремя нанять художника для зарисовки трофейных знамён, историкам приходится довольствоваться их списками, вроде того, что составил в 1580 г. люцернский городской писец, перечислив знамёна, захваченные его земляками в битве при Земпахе в 1386 г. Такие же списки иногда составлялись и для собственных исторических знамён, принимавших участие в той или иной славной битве. Стоит иметь в виду, что в таких списках, как, впрочем, и в «знамённых книгах» можно встретиться с неточной или совершенно неверной атрибуцией знамени, – притом не только «чужого» (что не вызывает большого удивления), но даже и «своего».

⁶⁴ *Walden H. de. Banners, Standarts and Badges from a Tudor Manuscript in a College of Arms. S.l., 1904.*

кресты, которые служили в средневековом городе Риме в роли «знамён» разных частей города.)

Не просто любопытным, но и весьма существенным для понимания мировидения людей Средневековья представляется такой специфический вид знамён как знамёна вымышленные, в реальности никогда не существовавшие. Средневековые художники охотно изображали многих исторических и легендарных персонажей с их собственными гербами и знамёнами. Обе вымышленные эмблемы могли прочно закрепиться за определённым лицом и постоянно сопровождать его в иконографии. Такое устойчивое собственное знамя получил в иконографической традиции каждый из трёх новозаветных волхвов (трёх пастухов, трёх царей), явившихся вслед за Вифлеемской звездой поклониться новорождённому Иисусу. На батальных полотнах, изображающих сражения с участием древних римлян, последние шли в бой под средневековым императорским знаменем (чёрный орёл на золотом поле). Над отдельными их отрядами развевались свои знамёна с изображениями всяческих, порой не самых симпатичных животных. Эти знамёна явно должны были показать зрителю, что римляне в ту эпоху ещё пребывали во мраке языческих заблуждений.

Ранние изображения гонфанона встречаются на рельефах из слоновой кости IX–X вв. в руках у аллегорических фигур – Церкви, Синагоги и города Рима. Если на стяге Церкви изображался обычно либо крест, либо агнец, то стяг Синагоги мог быть украшен головой барана. Знамёна стали в иконографии атрибутом длинного ряда святых. Так, Константина Великого изображали – в большем или меньшем соответствии с исторической правдой – с лабаром. Многие святые получили знамёна с изображениями креста (наиболее известно знамя св. Георгия – белое полотнище с прямым красным крестом). На зелёном знамени святого покровителя Чехии Вацлава нередко рисовали орла, знамя небесного патрона Венгрии Стефана (Иштвана) украшало изображение Богородицы, знамя св. Маврикия украшало семь звезд, а знамя римского мученика Симплиция – три лилии. Даже сам Иисус Христос получил своё знамя, с которым его

изображали прежде всего в сцене Воскресения. (К тому же в некоторых средневековых текстах Иисуса метафорически описывали в качестве знаменосца, под чьим знаменем – все твари⁶⁵.)

Средневековые европейские знамёна предстают при внимательном рассмотрении во множестве своих видов. То же самое и с функциями знамён: при внимательном изучении источников их находится всё больше и больше. Швейцарцы использовали знамя как элемент своеобразного «счётного механизма»: чтобы подсчитать численность своего войска, отдавался приказ всем воинам пройти мимо знамени, где их уже поджидали счётчики. В некоторых городах Европы знаменосцы достигли такого мастерства в подаче специальных сигналов при помощи знамён, что к началу Нового времени даже возникло особое искусство обращения со знаменем – «знамённая игра», соревнования в которой до сих пор проводятся в Бельгии. В Венеции восемь знамён св. Марка служили, помимо прочего, средством публичного оглашения состояния Республики. Дело в том, что эти знамёна были четырёх разных цветов: белые воспринимались как символ мира, красные – как символ войны, тёмно-синие означали союз, лиловые – перемирие. В каком из этих четырёх состояний находится в настоящий момент венецианское государство, можно было определить по тому, какая пара знамён выносилась во время процессий с участием дожа первой⁶⁶.

⁶⁵ *Tepl J. von. Der Ackermann und der Tod. Stuttgart, 1984. S. 70. (Kap. 34., 21–23): «Alles das vnder des ewigen fanentragers fanen gehoret, es sei welcherei creature es sei...».*

⁶⁶ Маловероятно, чтобы такая цветовая символика была изначальной. Скорее мы имеем дело с относительно поздним переосмыслением. Если вспомнить, что знамёна разного цвета применялись в византийской армии и на византийском флоте для обозначения разных отрядов, а также то, что Венеция была очень восприимчивой именно к византийским влияниям, позволительно сделать предположение, которое в литературе пока ещё не высказывалось. Венецианские восемь «триумфальных знамён св. Марка» – память о старинной организации венецианского войска, состоявшего, очевидно, из четырёх крупных отрядов, каждый из которых, в свою очередь, делился ещё на два. Само название знамён указывает на то, что их включение в праздничные процессии – результат победы, одержанной некогда венецианскими войсками над врагом. По мере реорганизации вооруженных сил Венеции исходное значение восьми знамён, выносимых

Внимания заслуживает и вся та «инфраструктура», что позволяла использовать знамёна тем или иным образом. Так, скажем, одним из характерных средневековых элементов «знамённой культуры» почти во всей Западной Европе (Ломбардия, Германия, Англия, Нидерланды и даже Палестина) являлись на протяжении XI–XIII вв. массивные повозки, на которые устанавливались знамёна очень больших размеров. Такие «знамённые повозки» (по-итальянски *saгоссii*)⁶⁷ приходилось на поле боя тащить быкам, правда Фридрих II сумел использовать для той же цели слона, на спине у которого и был воздвигнут помост с четырьмя «вспомогательными» знамёнами по углам и главным императорским знаменем в центре. «Знамённые повозки» использовал ещё император Оттон IV (1198–1215) в несчастной для него битве при Бувине (1214) и архиепископ Зигфрид II Кёльнский, павший в сражении при Воррингене (1288). Даже в морских сражениях на Средиземноморье «флагманский корабль» с «главным» знаменем на палубе (обычно по правому – считавшемуся со времён Античности более почётным – борту) воспринимался как своеобразная морская «кароуччо» и даже назывался тем же словом⁶⁸.

В полном соответствии с разнообразием видов, функций, способов использования знамён в средневековой Европе разнообразна и судьба отдельных знамён – знаменитых и малоизвестных. Каждое знамя имело свою историю, порой драматическую. Некоторые знамёна время от времени «улучшались» – точно так же, как и гербы. Упоминавшееся выше торжественное отрезание острого угла – только один из способов «улучшения» знамени, но были и другие. За участие в обороне от бургундцев рейнского города Нейс в 1475 г. император Фридрих III (1440–1493) пожаловал санкт-галленцам

в торжественных случаях, забылось и потребовалось найти им новую интерпретацию.

⁶⁷ Первое свидетельство о «сагоссii» относится к 1039 г., когда архиепископ Милана распорядился изготовить такую повозку для «знамени» ополчения своего диоцеза. Этим «знаменем» тогда служил попросту огромный крест.

⁶⁸ Генуэзское распоряжение 1282 г. предписывало, чтобы такую «морскую кароуччо» со знаменем св. Георгия на борту сопровождало и охраняло не менее 10 галей.

золотой обруч на шею медведю, украшавшему их знамёна⁶⁹. После битвы при Павии в 1512 г. легат папы Юлия II (1503–1513) одарил швейцарцев, добившихся быстрой победы над французским королем, новыми – «улучшенными» – знамёнами. Все знамёна были украшены накладными изображениями в крыже (сцены Благовещения, Крещения, Распятия, или же, например, мученичества св. Себастьяна), некоторые, кроме того, получили дополнительные мотивы, вроде скрещенных ключей апостола Петра, другие же новые – более эффектные – интерпретации привычных фигур (так, чёрный епископский посох у Базеля и красные цветки роз у Рипперсвиля стали золотыми).

Впрочем, это далеко не самые яркие примеры развития и трансформации средневековых знамён. Знамёна всегда являлись (и все еще являются сегодня) одним из весьма важных средств символической коммуникации. Судя хотя бы по приведённому выше материалу – неизбежно отрывочному – система такой коммуникации складывалась в Европе постепенно на протяжении всего Средневековья из весьма неоднородных по своему происхождению элементов. В ходе интенсификации общения между многочисленными политическими сообществами, существовавшими в средневековой Европе, происходило постепенно сближение вексиллологических обыкновений. Единства здесь, разумеется, не возникло – да этого и странно было бы ожидать, – но основа для «вексиллологического взаимопонимания» в круге европейских культур сложилась, похоже, именно в Средние века. На этой основе со временем и вырастет европейская знаменная культура Нового времени и наших дней.

⁶⁹ Интересно, что самого этого медведя Санкт-галленцы заимствовали у соседей – аппенцельцев после того, как потерпели от них тяжёлое поражение.